

КАРЕЛ ЧЁРНЫШ

МОЛОДЧИНА

ГОНДА

ДЕТГМЗ · 1961

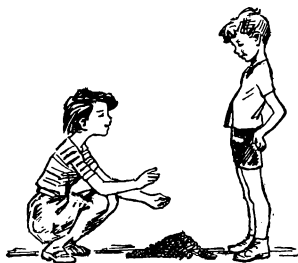
Цена 32 коп.

А Р Е Л Ч Ё Р Н Ь
МОЛОДЧИНА
ТОНДА

ПЕРЕВОД С ЧЕШСКОГО
ИЛ. ГРАКОВОЙ

Рисунки Л. Мильчина

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1961

Всем ребятам, в том числе и малышам, всегда хочется побольше узнать, как живут их сверстники в других странах.

Вот об этом и рассказывает книга чехословацкого писателя Карела Чёрного «Молодчина Гонда». Герой книжки — любопытный непоседа Гонда. Живёт он, на первый взгляд, в ничем не примечательном месте, а сколько удивительных историй с ним происходит! Самая большая мечта Гонды — пойти учиться, но для школы он ещё маловат, и это его очень огорчает. Правда, как выясняется в дальнейшем, немало интересного окружает Гонду и в родном селении.

И в конце книжки этот озорной, весёлый мальчишка становится вам настолько мил, что с ним действительно жаль расставаться.

В ОДНОМ ИЗ ДОМИКОВ НА КРАЮ ПОДЛЕСИ

По холмам и пригоркам тянулись лесные полосы, на равнинах среди лесов раскинулись поля и луга. Между ними вилась тихая благоухающая долина. По долине протекала речка, окаймлённая двумя рядами старых, согнувшихся ив. На склоне над речкой располагилась деревня Подлеси. Деревня? Совсем крошечная деревушка. В ней с трудом-то можно было насчитать полсотни домов.

В одном из домиков на краю Подлеси жила семья Дóсталов. У них было двое детей, Гóнда и Гáнка. Ганке уже исполнилось восемь лет, и она должна была пойти в третий класс. Гонде было всего пять, он ещё в школу не ходил.

Мальчуган был словно цветущая роза. Голубо-

глазый, с вечно румяными щеками — вылитая мать. На щеках, будто невысохшие капельки росы, виднелись светлые веснушки, был он не худой и не толстый — одним словом, здоровый мальчик. Почему, собственно, его звали Гонда? Когда он был совсем маленьким, его называли Гонзичек, Гонза. Но, если он отвечал кому-нибудь, как его зовут, у него получалось «Гонда». Так это имя за ним и осталось, и потом уж никто его иначе как Гонда и не называл.

ХЛЕБ СВОЗЯТ

Стоял знойный августовский день. Там, где прежде простирались хлебные поля, осталась лишь стерня, да и ту уже перепаживали тракторы.

На деревьях вдоль шоссе, ведущего к Подлеси, висели, зацепившись, жёлтые стебли — здесь проехали гружённые доверху возы. С полей к большой кооперативной риге свозили последний хлеб.

По всей Подлеси, по долине и дальше, за гумнами, раздавалось тихое жужжание. Похоже было, что шмель летает над цветущим полем клевера, — уже вторую ночь и третий день неумолчно несло над Подлеси жужжание молотилки, стоящей возле риги. Временами тихое и глубокое, как бы сердитое, временами высокое и весёлое, словно радостное.

В Подлеси все помогали свезти с полей и вовремя обмолотить урожай.

Помогал и Гонда. Свозил к молотилке вместе с дедом Хохолёным хлеб с полей. Свозил? Да просто-напросто разъезжал вместе с ним. Он шёл с дедом подле воза, сидел на козлах или на самом верху, на снопах. Трудно сказать, что было приятнее.

Как приятно шагать рядом с дедом, ступая босы-

ми ногами по горячей дорожной пыли! Местами её столько, что ноги, казалось, утопали в перине.

А ехать на козлах? Да ещё держать в руках вожжи двух лошадей, Гнедака и Вранки? Это тоже здорово!

А сидеть на самом верху на снопах? Воз мягко покачивается, словно на волнах. Пожалуй, это всё-таки самое приятное.

Дед Хохолин вообще человек приятный. Всегда у него хорошее настроение, сроду он не хмурился, должно быть, он и сердиться-то не умеет. Когда люди встречаются, они обычно говорят: «Добрый день!» Но дед для каждого находил что-то своё, словно он раздавал подарки, всем разные. Встречая Гонду, он говорил: «Далеко ли, далеко ли, пан Ян?» Встречал, скажем, его отца: «Триста лет уж тебя не видал! Что поделываешь?» Когда видел детей, собирающих колоски, кричал он им ещё издали: «Как дела, герои? Не надорвались ещё на работе? Спина не болит?» Его глаза ласково смотрели на тех, кто ему нравился. Морщин на лице деда было что борозд на вспаханном поле, а сам он сутулился, словно ивы-старушки над ручьём. С малых лет трудился он на полях. Ходил дед, опираясь на палку, неплохо ещё справлялся с работой и помогал, где только мог. Удержать его дома было немыслимо. «Отдохните! — уговаривали его. — Хватит уж вам работать!» — «Отдохнуть? — возражал дед. — Зачем? Вот умру, тогда и належусь вдосталь».

Сейчас они ехали полевой дорогой. Телега громыхла по камням, а колёса скрипели так, точно в любую минуту готовы были рассыпаться. Гонда сидел на козлах и держал в руках вожжи, которые дед доверил ему; он шёл рядом, утирал платком лоб и внимательно поглядывал на небо.

— Свезём до вечера, пан Ян?

— Свезём, — кивал Гонда и тоже смотрел на небо.

С утра солнце палило вовсю. Но густых белых облаков становилось всё больше и больше. Они медленно тянулись над Подлеси, такие белые, что глазам было больно на них смотреть.

— Не нравятся мне эти облака, — ворчал дед, морщил лоб и щурил глаза, заслоняя их рукой. — Кто их знает! Что ж из того, что они белые? Не успеешь

оглянуться, как потемнеют. И чего они к нам лезут? Кто их звал? Ишь, как солнце печёт! Того и жди грозы. Дунь-ка на них чуток! — попросил он Гонду.

Гонда задрал кверху голову и что есть мочи принялся дуть. Дед, серьёзно поглядывая на него, тоже дул, но потом покачал головой:

— Силёнок у нас, парень, маловато! Не знаю, не знаю... А что, если в них из ружья пальнуть? Есть у тебя ружьё? Нету? На-ка вот, — сказал он и подал ему свою палку. — Тпр-р-р, Гнедак! — Он посадил Гонду на самый верх воза. — Следи и, как только какое облако приблизится, стреляй! Бум! Трах! Пускай себе летит дальше, нам и без того, мол, воды хватает.

Гонда сидел на снопах, которые мягко покачивались, и не спускал глаз с облаков. Бум! Трах! — стрелял он из палки. А дед кивал головой:

— Давай, давай! Главное дело — постоять за себя! Смотри-ка, вон там!

Пиф! Трах! Бум! Бум!

Гонда стрелял, и дед был доволен.

— Где уж им до нас добраться! Мы, мужчины, сумеем за себя постоять!

Так они ездили и свозили хлеб всё послеобеденное время.

А облака над ними густели и густели и уже не казались такими ослепительно белыми. Они темнели, сливаясь в огромные тучи.

У МОЛОТИЛКИ

Солнце медленно склонялось к западу, но духота и зной не спадали. Люди у молотилки не успевали вытирать пот с разгорячённых лиц. Воз подъезжал

за возом, и в воздухе мелькали золотые снопы пшеницы, которые люди совали в пасть молотилки.

Молотилка гудела, словно потревоженный улей.

Если тебе хотелось что-то сказать, приходилось кричать во всё горло.

Когда Гонда с дедом подъехали к риге, Гонде помахала рукой мама. Она работала с пани Зáiцовой там, где в подставленные мешки золотым потоком лилось зерно. Разговаривать времени не было. Пока наполнялся один мешок, маме нужно было приготовить другой. А пока наполнялся второй, первый мешок следовало завязать, отставить в сторону и приготовить новый. А тут только успевай вовремя нажать рычаг, чтобы шумящий поток зерна замер или вновь зашелестел. Мамино лицо пылало от жары, голова её была повязана платком, чтобы пыль, которой здесь кружилось видимо-невидимо, не оседала на волосах.

— Ты чего, мама? — кричал Гонда.

— Тебе пора домой, Гонда. Да зайди в магазин, пока не закрыли.

Гонда с большим удовольствием посмотрел бы ещё немного, но что поделаешь.

— А зачем в магазин?

— Возьмёшь каравай хлеба и молоко, деньги уже уплачены. Кувшинчик тоже там. Только смотри не разбей!

— Тогда я пойду, — сказал Гонда и пошёл.

Правда, он забежал ещё к деду Хохолину:

— Знаете, мне уж пора идти...

— Иди, иди, — одобрительно сказал дед. — Я уж тоже скоро пойду. Теперь они и без нас легко управятся. Что им осталось? Две-три подводы... Только не будь нас, дружок, думаю, дождь лил бы уж им за шиворот. Кто бы без нас разгонял облака?

Гонда гордо выпрямился и взглянул в мамину

сторону. Жаль, она не слышит! И чего эта молотилка так гудит?

— Ну, беги, беги! — сказал дед и дружески взъерошил ему волосы. — Ты нынче порядком потрудился!

И Гонда медленно пошёл. Он взял в магазине хлеб и молоко да ещё получил от пана Голца леденец — за то, что, мол, он так хорошо помогает маме. Он шёл уставший по деревне домой. Вытирал локтем вспотевший лоб, с сознанием исполненного долга переводил дух да посвистывал... Когда у человека

за плечами добрая работа, на сердце у него легко и кажется, что даже воробьи на крышах приветливо машут ему крылышками.

А воробьи сидели на крышах как-то понуро, нахохлившись и приоткрыв клювики. Им тяжело дышалось в предвечерней духоте.

ГОНДА И ОЛДА

На лужайке между домами сидел Олда Заиц, верный друг Гонды.

Обоим им было по пяти лет, жили они в соседних домах и встречались каждый день.

Гонда был чуть повыше Олды, но тот, в свою очередь, чуть плотнее. Он был тише, серьезнее и подчас застенчивее Гонды. Быть может, это объяснялось тем, что жили они вдвоем с мамой, отец Олды в прошлом году умер. Но, когда дело принимало серьезный оборот, Олда иной раз оказывался лучшим советчиком, чем Гонда.

Гонда помахал ему свободной рукой, Олда поднялся и побежал к нему. Он перепрыгнул через канаву, добежал до шоссе, но споткнулся, упал и разревелся.

Гонда подбежал к нему, сел на корточки и посмотрел, что случилось: на ободранном и почерневшем от пыли колене проступали капельки крови. Гонда подал ему руку:

— Не реви!

Но Олду это не успокоило. Он сидел, обхватив ногу, и вовсю продолжал реветь.

— Да не реви же! — успокаивал его Гонда, помогая ему встать. — Ты ведь мужчина! Не беда, мама промочит тебе колено.

— Да, — всхлипывал Олда, — у нас никого нет дома, мама ведь на молотилке. — Слёзы не прекращались.

Гонда растерялся. Ну что с ним делать? Ревёт, ревет... Как будто этим поможешь! Гонда с минуту раздумывал, потом протянул леденец:

— Возьми! И пойдём к нам, я сам всё сделаю.

Леденец несколько утешил Олду, и он позволил Гонде увести себя. Для Гонды эта задача была не из лёгких: в одной руке — кувшин с молоком и под мышкой хлеб, другой рукой он поддерживал Олду; Гонда буквально шатался от натуги. Но жили они неподалёку и вскоре добрались до дому.

Ганка уже была дома. Она успела подмести в прихожей и на кухне, стряхнуть скатерть и поставить посередине стола кувшинчик с гвоздиками, одуванчиками и веточками лилового вереска.

Она взяла у Гонды хлеб и молоко.

— Скорей, скорей! — торопил её Гонда.

— Что такое? — спросила она.

— Скорей, скорей дай мне кусок ваты и ту бутылочку... Ну, такую... эту... ну, там с этим!

— Вот так говорун! «Дайте мне такое... вот там... там с этим...» Что ты хочешь? Кто тебя поймёт?

Они ещё какое-то время пререкались, пока наконец Гонда не объяснил всё толком. Тогда Ганка достала ему из аптечки бутылочку с перекисью

водорода и кусок ваты. Она хотела сама промыть Олде рану, но Гонда не позволил.

— Дай сюда, дай сюда! — протестовал он. — Я тоже умею.

— Ты? Интересно посмотреть!

— Пойдём, и увидишь!

Он выбежал на улицу и подсел к Олде. Осторожно, чтобы не причинить боль, он промыл ему колено и протёр ссадины.

Олда уже не плакал, он смотрел на то, что делает Гонда, и слегка ойкал. Он ожидал, что будет больно, а больно не было. Напротив, перекись даже приятно холодила.

— Вот и всё! — сказал Гонда. — На! — протянул он Ганке бутылочку и вату. — Ну, велика важность!

Потом они с Олдой уселись рядом и занялись разговорами.

Чёрная туча на западе уже поглотила солнце и медленно поднималась вверх, словно огромный ворон с распростёртыми крыльями.

ОБМОЛОТИЛИ

Стояла духота. Даже чёрная туча не прижесла желанной прохлады. Скорее наоборот, воздух стал как бы ещё плотнее и тяжелее, словно всю землю накрыли периной.

Вдруг Гонда вскочил:

— Слышишь?

Олда испугался и тоже встал. Про колено он уже забыл.

— Что? — прошептал он.

Вокруг стояла мёртвая тишина, только с другого конца Подлеси доносился отдалённый собачий лай.

— Не слышишь? — шепнул Гонда.

— Что? Собаку?

— Какую там собаку! Послушай!

Олда замер и прислушался. Непонятно, что встретило Гонду. Собачий лай и тот прекратился. Только с луга, расположенного за гумнами, доносился тонкий, дрожащий серебристый звук — это стрекотали кузнечики. На яблоне возле шоссе коротко просвистел чёрный дрозд. Так коротко, будто просто всхлипнул.

— Чёрный дрозд! Подумаешь! — повернулся к другу Олда.

— Да нет! Неужели не слышишь? — чуть дыша проговорил Гонда. — Об-мо-ло-ти-ли! — И лицо его просияло.

И верно! Три дня и две ночи над Подлеси неустанно разносилось гудение молотилки, а теперь оно смолкло.

Обмолотили, выходит, вовремя, до грозы. Это-то и обрадовало Гонду.

ЛЬЁТ ДОЖДЬ

Небо темнело, на Подлеси падала тень мрачных туч и спускались предвечерние сумерки. С лугов в деревню тянуло влажной прохладой и ароматом трав. Едва слышно зашелестели на деревьях листья. Это первый, ещё несмелый порыв ветра расшевелил их.

На дороге, ведущей из долины, показалась чья-то фигура. Это к деревне быстрым шагом приближался отец Гонды, возвращавшийся с работы. Он работал плановиком на мебельной фабрике, расположенной в долине, примерно в полчаса ходьбы от Подлеси.

Гонда побежал ему навстречу. Отец, раскрыв объятия, поднял его вверх. Запыхавшийся Гонда наклонился к отцовскому уху и сообщил:

— Слышишь? Мы обмолотили!

— Что значит «мы обмолотили»? Разве ты тоже молотил?

— Не молотил, но зато весь день до самого вечера возил с дедушкой Хохолином снопы.

— Молодчина! — похвалил его отец. — А Ганка что делала?

Этого Гонда не знал.

— Наверное, ничего. Наверное, просто играла.

— Постой, постой, милый, тебе это точно известно? Может, ты наговариваешь?

— Ну, давай спросим её, и увидишь!

Тучи прорезала молния. И через минуту донёсся раскатистый удар грома.

Ветер внезапно усилился. Резко налетев, он взметнул пыль и запорошил ею глаза. Дорога в полях, словно затлев, подёрнулась белесоватым дымком... Но это продолжалось какое-то мгновение — ветер снова улёгся.

Отец прибавил шаг. Тут к ним подбежала и Ганка. Она прильнула к отцу и взяла его за руку.

— Ну что, моя доченька? — спросил отец. — Чем ты сегодня занималась? Гонда уверяет, что все помогли, а ты играла. Верно это?

Ганка не ответила. Опередив их, она помчалась домой и, прежде чем они успели дойти, уже стояла в дверях, держа в руках охапку колосьев.

— А это кто собрал, ты, ябедник? Вот я чем занималась! Мы со Зденкой насобирали двадцать две охапки колосьев. Будет гусям корм!

Гонда покраснел. Он хотел оправдаться, что во все не ябедничал, а просто так думал, но отец уже опустил его на землю, и тут ему прямо на нос шлёпнулась первая крупная дождевая капля. Брызги попали в глаза.

Гонда возмутился:

— Кто это сделал? — И замахнулся на Ганку.

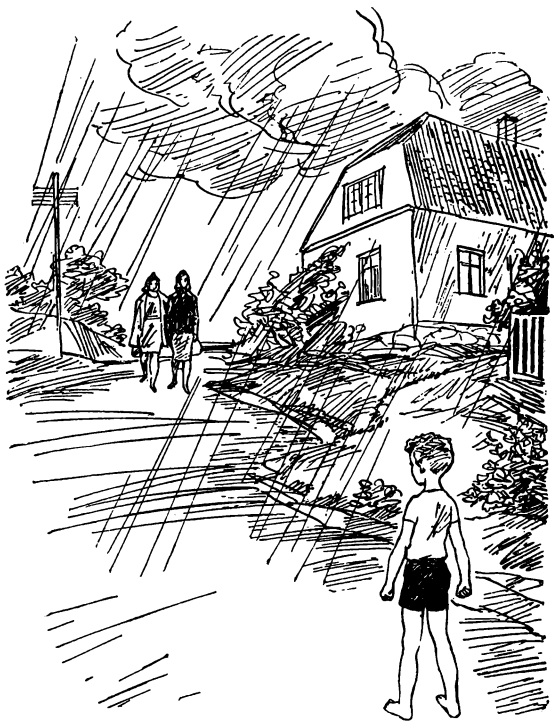
— Сердись на тучи! — рассмеялась Ганка. — Это тебе за сплетни.

— Скорее домой, пока не начался дождь! — побежал отец. — Мама ещё не вернулась?

Снова сверкнула молния, теперь уже почти над самой головой, и угрожающе загрохотал гром. И кап-кап-кап... На дорожную пыль тихо падали крупные дождевые капли. Они вздымали вокруг себя крошечные облачка пыли.

С запада на Подлеси надвигалась густая, непроливаемая дождевая завеса. Расшумелся ветер, и пахло ароматом свежего хлеба.

Тут уж Гонда не выдержал. Где же мама? Он побежал на шоссе перед домом, не обращая внимания на дождевые капли, падающие на его голую спину. Они холодили, щекотали, но Гонда продолжал стоять, лишь время от времени поёживаясь.

— Вымокнешь! — крикнул ему из передней отец.
— Неважно, я не боюсь, — махнул рукой Гонда. — Уже идут, идут! Мама и пани Зайцова. Ма... — хотел Гонда окликнуть маму, но не успел.

Резко ударив, загрохотал гром, так что даже оконные стёкла задребезжали. Гроза докатилась до Подлеси. Гонда пулей влетел в переднюю. Он побледнел и прижался к отцу.

— Ну что, что? Испугался, герой? Ты же не боишься! — Отец наклонился к сыну и взял его на руки.

Гонда прижался к нему, широко раскрыв глаза и еле переводя дух. В отцовских объятиях страх быстро рассеивался.

— Вот это удар был! — прошептал он.

А ливень уже припустил вовсю. Расшумелся так, словно в воздух разом вдруг взлетела большая стая голубей. И трах! Бабах! А затем протяжно: бум-бум-бумбумбумбум... Прошла какая-нибудь минута, прежде чем мама вбежала в переднюю, но она уже успела промокнуть до костей.

Гонда с Ганкой подскочили к ней:

— Мама, на кого ты похожа! Прямо как водяной!

— Пустяки, высохнет, — улыбнулась мама, вытирая лицо. С волос её по щекам струились ручейки. — Пусть льёт сильнее! Урожай под крышей, теперь надо и полям напиться.

Двери в переднюю закрыли. Совсем стемнело.

А поля и луга Подлеси после двухнедельной засухи и зноя жадно впитывали в себя бурные потоки дождя, лившего долго-долго, до самой ночи.

ГОНДА УМЫВАЕТСЯ ПОД ЯБЛОНЕЙ

Когда утром Гонда проснулся, стоял ясный солнечный день. Гроза унеслась далеко-далеко за Подлеси, за лес, видневшийся на Аистовом холме. Ни одной тучки не осталось.

Воздух был ещё влажным. Воробьи чирикали и —

фррр! — стремительно перелетали с крыши на забор, с забора — во двор, а если их кто-нибудь вспугивал, — на дерево и на крышу. Гуси с удовольствием купались в лужах, время от времени махая крыльями, словно порываясь улететь куда-то, и громко гоготали.

Как легко дышалось всем после вчерашней духоты!

Гонда потянулся, его разбудили гуси. Он открыл глаза — и в комнате и на кухне никого. Отец уже на работе, Ганка неизвестно где. Через открытое окно было слышно, как у колодца кто-то качает воду. Наверное, мама!

Гонда быстро вскочил, пододвинул к окну стул, высунулся наружу — и тут же отпрянул: всё лицо его стало мокрым. Листья и красные цветы муската, росшего за окном, были усеяны капельками вчерашнего дождя. Они переливались на солнце всеми цветами радуги, словно жемчужины.

Гонда снова осторожно наклонился — и правда, у колодца стояла мама.

По двору бегала Лапка, их собака, белая, с коричневыми пятнами, с длинными ушами и большими добрыми глазами. Она подбежала к окну, оперлась передними лапками о стену, завертела хвостом и, радостно визжа, звала Гонду на улицу. Казалось, она улыбалась ему: прижала уши, сощурила глаза, розовым языком облизала морду... И Гонда отлично понимал её тихий визг: «Выходи, выходи на улицу».

Он соскочил со стула и вбежал в кухню, куда как раз входила мама. Она несла воду.

— Выспался? Разбудило тебя солнышко? Иди умойся, я принесла свежей воды.

Дверь снова отворилась, вошла Ганка с сумкой в руке, с покупками.

— Что надо сказать? — предупреждающе произнёс Гонда.

Ему тоже так говорили, если он забывал поздороваться.

Ганка возразила:

— Пока ты спал, мы уж с мамой три раза поздоровались. А сам-то ты поздоровался?

— Добрый день! — тихо сказал Гонда.

А Ганка и мама ему ответили:

— Добрый день!

Мама налила в умывальный таз воду, но Гонде умываться не хотелось. Ох, уж это умыванье по утрам! И зачем только его выдумали! Бррр! Он спрятал руки, и его передёрнуло. Вечно его по утрам мучают! Разве за ночь измажешься!

Ганка пытливо посмотрела на него, а потом повернулась к маме:

— Мама, ты уже видела птенчиков на нашей яблоне?

— Где? — сразу заинтересовался Гонда; по крайней мере, хоть об умыванье забудут. — На нашей яблоне?

— А ты не видел? Пойдём скорей посмотрим!

Ганка выбежала на улицу, Гонда — за ней.

В саду она подбежала к яблоне, остановилась под ней и показала пальцем наверх:

— Видишь?

Гонда, прижавшись к деревцу, тоже посмотрел наверх. В этот момент Ганка оперлась обеими руками о ствол, тряхнула его, отскочила, и на Гонду обрушился настоящий ливень: с листьев скатились тысячи дождевых капелек.

— Видишь, вот ты и умылся, да ещё какой свежей водичкой! — улыбнулась ему Ганка и побежала домой.

А Гонда, недовольный, поплёлся за ней следом. Он хмурился и ломал голову, как бы ей отплатить.

— Говорят, ты уже умылся, — встретила его мама, а Ганка при этом так противно улыбалась! — Вот таким ты мне нравишься... Без долгих разговоров — раз, и готово. Вот бы каждый день так!

И Гонда не знал, смеяться ему или продолжать хмуриться.

НИ С ТОГО НИ С СЕГО МУЧЕНИЕ

Иной раз человек мучается, сам не зная почему.

Не успел ещё Гонда вытереть лицо, умытое дождём, как в дверь кто-то постучал, и, прежде чем он произнёс: «Войдите!» — в кухню вихрем ворвалась Зденка Клімова, Ганкина одноклассница.

Она на ходу поздоровалась, подскочила к Ганке и, обхватив её за талию, закружилась с ней по комнате, так что только её чёрные волосы развевались. Потом она обняла Ганку за шею и закричала:

— Знаешь, что я знаю?

— Не знаю... Откуда же мне знать? Обожди, не скажи, расскажи лучше! — отбивалась Ганка, когда Зденка снова хотела её закружить.

— Сейчас, сейчас! — говорила она, продолжая кружиться на одной ноге и хлопать в ладоши.

— Да перестань ты, егоза! — сказала мама. — Ну что там у тебя? Рассказывай.

— Знаете, у нас снова будет преподавать учительница Пáткова!

— Кто тебе сказал?

— Она сама, мы её с мамой встретили сегодня утром в Липнике.

Теперь уж сама Ганка бросилась к ней, и они, схватив друг друга за руки, закружились, словно два резвых козлёнка.

— Сумасшедшие! — пыталась унять их мама, но где там!

Вдруг Ганка остановилась:

— А Милéна уже знает? Нет? Ну, так бежим скорее, надо же ей сказать.

— И Лóйзе с Фáндой тоже!

И обе выбежали из комнаты.

— Сумасшедшие! — повторил вслед за мамой Гонда.

Он позавтракал и тоже отправился на улицу.

Он медленно, молча, с каким-то упорством ходил возле домика. Он искал Олду и наконец увидел его в садике. Гонда перелез через низенький забор и направился к Олде. Тот сидел на ветке невысокой сливы и рвал синеватые плоды. Гонда подошёл и остановился под деревом.

— Знаешь, что я знаю!

— Ещё бы!

— Знаешь? — удивился Гонда.

— Знаю, — сказал Олда.

— Ну, скажи! — подзадоривал его Гонда.

— Сначала ты скажи!

— Вот видишь, не знаешь! — усмехнулся Гонда.

— Ну, ты скажи, если знаешь, — подзадоривал его Олда.

И тогда Гонда сказал:

— Знаешь, у нашей Ганки снова будет преподавать учительница Паткова.

Олда только проворчал:

— Подумаешь! — и спокойно продолжал рвать сливы. — Хочешь одну? Держи! — и бросил Гонде сливу.

К сообщению Гонды Олда вообще остался равнодушным. В школу он ещё не ходил, поэтому ему было всё равно. Гонда, разумеется, тоже ещё не был школьником, и он очень переживал: кто угодно ходит в школу, а его, хотя он уже несколько раз говорил, что тоже хочет ходить, никак туда не пускают!

Он посмотрел на Олду и с минуту подумал.

— А ты хотел бы ходить в школу?

— Всё равно меня туда не пустят!.. Держи! — и бросал ему сливу за сливой.

Одну Гонда поймал, остальные пришлось подбирать с земли. Он ел сливы, но мысли его были далеко. Он глубоко вздохнул, потом уселся под деревом и молча уставился на свои босые ноги. Он думал об этой заколдованной школе, в которую его не хотят пустить.

Ему было грустно и горько, прямо хоть плачь.

ССОРА С ЛОЙЗОЙ

Ганка со Зденкой бегали от дома к дому, прежде чем нашли и Милёну Нёвую, и Фанду Кротила с Лойзой Пешоутем и всем сообщили волнующую новость. Потом они уселись возле дома, в котором жил Лойза Пешоут, и стали держать совет.

Обсудить предстояло многое. Послезавтра первое сентября, начинаются занятия в школе. У них снова будет преподавать та же учительница, что и в прошлом году. А что их ждёт? Останется ли их пятёрка опять в одном звене? А кто с кем и где сядет? А кого выберут вожатым звена? А кого старостой класса? А кто будет заниматься стенгазетой?

Они совещались очень долго. Так совещаются крестьяне на пороге весны. Какое поле пахать в первую очередь? Что где засеять? А все ли машины в исправности? Только бы поскорей подсохло, только бы пораньше выехать на поля, чтобы снова быть первыми в районе, как в прошлом году!

Всё это детям было хорошо знакомо. Родители Зденки Климовой и Лойзы Пешоута были членами кооператива. А когда было нужно, на кооперативных полях работали и матери Ганки, Милены и Фанды.

Вскоре к их группке приплелись и Гонда с Олдой.

С минутку они послушали, и Гонда снова впал в уныние. Почему остальные ребята ходят в школу, а он нет?

— А почему это, — начал Гонда, — одни могут ходить в школу, а другие нет? Почему мне нельзя? Вы ходите, а я нет.

— Куда тебе с этим сладить, сверчок! — отрезал Лойза Пешоут, взъерошенный плотный мальчишка, настоящий медвежонок.

— А ты бы лучше помолчал! — рассердился Гонда. — Кто в прошлом году не готовил уроков?

Лойза, покраснев, в смущении поддёрнул штаны.

— Это я-то не готовил уроки? — Он поскрёб свою взъерошенную голову.

Ганка и остальные молчали. Гонда сказал правду. В прошлом году Лойза доставил их звену немало хлопот.

И откуда это только Гонда знает?

— А ты бы писал уроки? — спросил Фанда Кро-
тил.

Рядом с плотным Лойзой Фанда выглядел тонким, как ивовый прутик. Это был стройный черноглазый быстрый мальчик.

— Писал бы, и лекарственные растения собирал бы, и всё остальное... — Гонда воинственно нахохлился, словно петушок.

— А как бы ты писал, если не умеешь писать?

Гонда не сразу нашёлся, что ответить.

— А как бы ты собирал растения, если не знаешь цветов и не знаешь, какие лечебные, а какие нет? — продолжал атаковать его Лойза. — Ага! — И он снова подтянул штаны, на этот раз уже самоуверенно.

— Я не знаю цветов? И ты думаешь, я не знаю, что такое тимьян и бузина, зверобой или береск?

Лойза громко, во всё горло, расхохотался:

— «Береск, береск!» Вот, видали его! Даже сказать-то как следует не может! «Вереск», а не «береск», ты, воображала!

— Ну, вереск, подумаешь!

Лойза продолжал экзамен:

— А какого цвета зверобой?

— Жёлтый!

— А бузина?

— Белая!

— А тимьян?

— Фиолетовый... фила... фия... — Гонда сбился и никак не мог выговорить.

— Вот, видали, видали! — подпрыгивал Лойза. — А... — С минуту он обдумывал, что бы ещё такое потруднее спросить. — А из чего делает себе гнездо белка? А из чего шьют одежду? Ага! А читать ты умеешь? Ага!

— «Ага»! — Гонду раздражало это бесконечное Лойзино «ага». — Я бы тоже всему научился, если бы ходил в школу. Ты-то сам откуда это знаешь? Ага!

И все замолчали. Как тут не признать, что Гонда прав? Где они всему этому научились? Лойза не знал, что сказать.

— Пойдём, Олда, — повернулся Гонда к Олде. — Ну их... Они думают, они думают... — Он махнул рукой и пробурчал: — Ну и думайте!

Мальчики ушли, однако неприятный осадок и чувство сожаления не покидали Гонду, хотя он вроде бы и одержал победу в ссоре с Лойзой.

РАЗГОВОР С ОТЦОМ

Семья ужинала. Все сидели вокруг стола.

Гонда с интересом рассматривал кружочки жира, плавающие на поверхности картофельного супа. Сколько их там!

— Ты могла бы их сосчитать? — повернулся он к Ганке.

— Нет, их столько, и они всё время двигаются... — призналась она.

— Вот видишь, а ещё в школу ходишь!

Он помахал ложкой перед Ганкиным носом, и на белую скатерть упало несколько жирных капелек. Он замялся. Сконфузился. Мама укоризненно взглянула на него, а отец нахмурился.

— Когда ешь, так ешь, а не разговаривай! А с такими руками, как у тебя, вообще за стол не следует садиться!

Мама встала, налила ему в таз воды, и Гонда нехотя поплёлся умываться. Он медленно намочил руки и ещё медленнее их намылил.

— Наш Гонзик воды боится, — сказала мама. — Смотри, как бы она тебя не укусила!

Гонда приуныл. И правда, зачем только эта вода нужна? Вечно его мучают! Как будто нельзя жить с измазанными руками? Умрёшь, что ли?

Ужин окончился. На столе остались грязные тарелки и ложки, а на плите — много кастрюлек. Мама сложила всё в большую лохань, налила горячей воды и принялась вместе с Ганкой мыть посуду. Вот это Гонда любил. Иногда он помогал вытирать чистую посуду и убирать её.

Удивительное это было зрелище: сначала всюду полно всякой посуды, потом мама засучивает рукава, наливает горячей воды... и пар, не успеешь оглянуться, наполняет всю кухню. В лохани громяхают кастрюли, тарелки, чашки и ложки, мама быстро их моет, всё это шумит, плещется, а на полу видимо-невидимо капелек и лужиц воды... И, прежде чем он трижды успел бы обежать вокруг дома, вымытые тарелки, кастрюли и чашки отправляются по своим местам. После этого мама стряхнёт со скатерти крошки, подметёт пол и подотрёт его тряпкой. Затем она выльет из лохани воду, красиво расстелет на столе скатерть, снова поставит посередине кувшинчик с цветами — и в кухне вдруг станет чисто-чисто, часы, будто радуясь, тикают, заколышется занавеска на окне, когда мама его приоткроет, чтобы впустить свежего воздуха... Приятно смотреть, приятно и поговорить после этого. Такой вечер словно создан для беседы.

Гонда сел на скамейку возле печки и о чём-то задумался.

— Папа, — спросил он наконец, — сколько тебе было лет, когда ты пошёл в школу?

— Шесть. А почему ты спрашиваешь?

— А если бы ты захотел пойти в школу раньше?

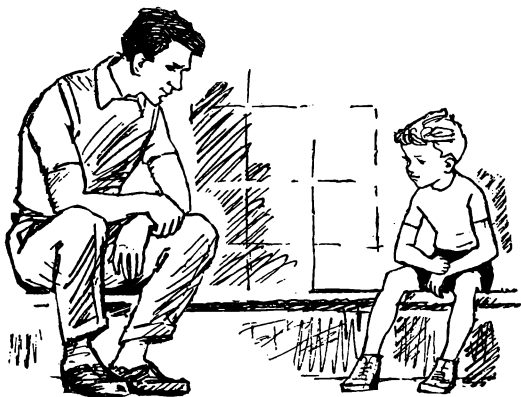
— Ничего бы не вышло. Всему своё время. Пока не подрастёшь, в школу тебя не возьмут.

— А разве я ещё маленький?

Отец понял, откуда ветер дует. Он повернулся к Гонде, слегка улыбнулся.

— Ну, — сказал он, — и маленький и не маленький. Это сантиметрами не измеришь. Человек, если он школьник, должен уметь себе приказывать!

Гонда упёрся локтями о колени и положил голову на руки.

— А ты думаешь, я не сумел бы?

— Ну, — снова сказал папа и взглянул на маму, — может, и сумел бы, а может, и нет. Сколько раз я слышал, как мама тебе повторяет: умойся, сложи перед сном свои вещи на место, не оставляй ботинки под скамейкой, чулки — под печкой, а рубашку — на стуле... Так ведь? Сможешь ты себе приказать? Вероятно, нет.

— Ну, если захочу, смогу. Это я просто всегда забываю.

— Вот видишь — «забываю»! А что это за школьник, который, скажем, забыл приготовить урок?

— Это совсем другое дело! Об уроках бы я никогда не забыл!

Гонда встал со скамейки, чтобы растолковать папе свою мысль, но папа вдруг сделался серьёзным и сказал:

— Так дальше не пойдёт, Гонда! У каждого из нас есть своё рабочее место, своё задание. У меня — на фабрике, у Ганки — в школе, а у вас с мамой — дома. Что бы мы, например, сказали маме, если бы она забыла приготовить обед? Что бы сказала Ганке учительница, если бы она забыла сделать уроки? А что бы сказали мне товарищи на фабрике, если бы я забыл выполнить свою работу? Сказали бы, что я лентяй и что они её за меня делать не собираются. А когда ты разбрасываешь свою одежду и ботинки, ты не выполняешь своей работы. Мама должна бы тебе сказать, что ты лентяй, что она за тебя убирать не станет. Ну, а мама убирает. Говорит, что ты ещё маленький. Вот я и не знаю, маленький ты или большой.

Гонда молчит, из глаз его, того и гляди, брызнут слёзы. Заплачет он? Нет, ни за что. А прав папа? Прав — не прав... «Если бы я уже ходил в школу, вы

бы увидели», — хочет он сказать, но отец сажает его на колени и заканчивает разговор:

— Всеми своё время, сынок! Не пройдёт и года, как для тебя откроются двери школы и ты станешь школьником...

Не пройдёт и года! «Вам хорошо говорить!» — думает Гонда. Год — это ведь не один день. Он ведь не промчится так же быстро, как вода в ручье. Разве можно так долго ждать? Неужели никто не поймёт и не пойдёт ему навстречу?

Он поплёлся обратно на скамейку к печке, с минуту сидел там, упрямо глядя перед собой, потом медленно начал раздеваться. И раздевался так, что казалось, будто это солома сыплется с воза: тут что-то оставил, там что-то... Так, как и говорил папа: один ботинок под печкой, другой — за печкой, чулки — на скамейке, штаны — на пороге комнаты, а рубашку... Когда он начал снимать рубашку, он остановился. Быстро вернулся в кухню.

Взял оба ботинка, сложил их как полагается вместе, перекинул через них чулки и отнёс всё в комнату. Поставил ботинки под стул. На стул аккуратно повесил штаны, а сверху — рубашку. Потом посмотрел, и ему это решительно понравилось...

На другой день, когда они остались с мамой вдвоём, он сделал ещё одну попытку:

— Слушай, мама, а если я всегда... ну, понимаешь, всегда буду всё как следует складывать и делать всё-всё, как нужно, меня примут в школу?

Но со взрослыми иной раз не договоришься. Мама прижала его к себе и сказала успокаивающе:

— Ты хороший мальчик, Гонда, и ты отлично сумеешь это всем доказать, и даже раньше чем через год, но в школу тебя отправить пока нельзя, тебе всего пять лет, и у тебя ещё целый год впереди.

Не вешай носа, ведь ты сумеешь стать таким, как надо!

Гонда только тяжело вздохнул.

Вечно одно и то же... «Дождёшься!.. Подожди!.. Дождись! Жди!..» Попробуй это выдержать!

БЕСПЛОДНЫЙ ПОХОД ТУДА И ОБРАТНО

В Подлеси школы не было. Подлесские ребята ходили через холм в Липник. Шли они полевой дорогой около четверти часа, но Гонде всё равно казалось, что там, за холмом, — совсем иной мир, куда одним есть доступ, а другим нет.

Утром он выскользнул из комнаты и отвязал Лапку. Та принялась носиться вокруг Гонды и кидаться на него, пытаясь в знак благодарности лизнуть в лицо; он не успевал её останавливать: «Ложись! Не зли меня! Отстань! Иди отсюда!»

Когда Лапка набегалась и уgomонилась, они отправились в сад. Гонда уселся под яблоней, подобрал под себя ноги и, обхватив их руками, смотрел на полевую дорогу, поднимающуюся к Липнику. Гонде была видна лишь школьная крыша да верхушки пяти тополей, росших возле липницкого пруда.

Он смотрел так долго, что Лапка даже уселась возле него и наострила уши. Гонду тянуло в Липник посмотреть вблизи на эту заколдованную школу. Он взглянул на Лапку, а Лапка — на него. Она встала, замахала лохматым хвостом, и глаза её заблестели, словно она хотела сказать: «Боишься? Пойдём, я буду с тобой рядом, и, если вдруг что случится, не бойся, любого на куски разорву!»

Гонда ещё с минуту колебался, потом поднялся и направился полевой дорогой к Липнику. Лапка всё

время бежала впереди, как бы придавая ему смелости.

Ещё позавчера по этой вот самой дороге они с дедом Хохолином возили хлеб. В траве на меже вдоль дороги виднелись синие звёзды цветущего цикория, красные звёздочки гвоздики и кусты тимьяна. Воздух был напоён цветочным ароматом и запахом свежеперепаханных полей; так пахли мамины волосы, когда она иной раз прижимала его голову к себе... Чего бояться?

По меже через поле к дороге шёл какой-то человек с палкой в руках. Гонда остановился, потом присял, помчался вперёд и замахал рукой.

— Дедушка! — кричал он.

Это был дед Хохолин.

Дед заслонил от солнца глаза рукой и узнал Гонду.

— А! Вот это встреча! — вскричал он и поднял в знак приветствия палку.

Они встретились и уселись в траву.

— Далеко ли ты направился?

— В Липник, — заявил Гонда.

— А зачем?

Гонда не знал, что ответить. Он заёрзал на месте. Как бы объяснить? Потом сказал:

— Просто так.

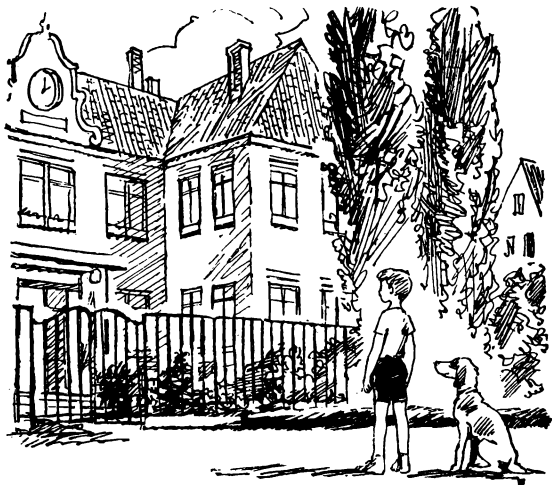
— Просто так? Ага! Странствуешь, значит, по свету? Это мне по душе. Что это за человек, который весь свой век просидел дома за печкой?! А льва ты не боишься?

— Чего?

— Льва!

— А где он?

— Вот там, в лесочке... Идите мимо осторожней, чтоб не вспугнуть его.

Гонда встал. Посмотрел в сторону леска. Он не понимал, серьёзно дед говорит или просто пугает его. Он вздохнул и махнул рукой:

— А, льва!

Это означало, что всё равно он не верит.

— Не веришь? Не боишься? Ну, добро. Ежели кто отправляется странствовать, страх нужно оставить дома. — Дед засмеялся и обнял Гонду. — Вот он, лев! — Он показал на Лапку и заворчал совсем как собака, так что Лапка даже попятилась и залаяла. — Видишь? И она не боится, сумеет за себя постоять. Да разве кто одолеет такую пару? Иди сюда, львёнок, — протянул он руку к Лапке, которая уже снова

приветливо махала хвостом. — Смотри как следует охраняй этого молодца! — Он погладил Лапку, хлопал по спине Гонду и встал: — Ну, в добрый путь, да возвращайтесь обратно — дома всё-таки лучше.

Он снова поднял прощаясь палку и пошёл в Подлеси, а Гонда с Лапкой отправились дальше.

Вскоре они очутились на холме. Отсюда хорошо были видны и Липник и Подлеси. Потом дорога пошла вниз, Подлеси исчезла, и они вышли на липницкую площадь с прудом. Словно свечки, стояли здесь пять тополей, пять тополей, как пять солдат, охраняющих школу от посторонних.

Был последний день августа. А солнце по-прежнему сияло на ясном небе. На краю пруда плескались утки, и голубая вода была покрыта мелкой рябью. На мокром берегу трепетал рой бабочек капустниц. Они садились на песок, взлетали и снова опускались. Мимо проходили люди, чужие, незнакомые...

Гонда стоял, не замечая ни уток, ни капустниц. Стоял и смотрел на школу, расположенную посреди большого сада, обнесённого забором с железной калиткой. Школа была большая, тихая, задумчивая. Гонда не мог оторвать от неё глаз.

Он вздыхал, хмурился, что-то бормотал про себя, ковыряя пальцем босой ноги в пыли, словно пытаясь решить какую-то сложную задачу. Время от времени на лице его появлялось упрямое выражение, словно он пытался убедить кого-то, но не мог. Время от времени он махал рукой, как бы говоря: «Как тяжело, когда тебе не верят!»

Солнышко мягко пригревало, будто желая его утешить. Над головой Гонды летали голуби и кружились над площадью, шумя крыльями. Потом они взмыли высоко-высоко в синее небо и, сверкнув серебром на солнце, сложили крылья и направились

к своим голубятням, точно увядшие листья, подхваченные ветром; словно они опечалились, что Гонда не обратил на них внимания.

На проводах щебетали ласточки, где-то за гумнами урчал трактор, но Гонда ничего, ровным счётом ничего не слышал и не видел.

Завтра первое сентября, завтра утром распахнутся ворота школы — только не для него! Он вздохнул, свистнул Лапку, и они направились в обратный путь.

Тихая, сверкающая дорога, над ней дрожит горячий воздух, всюду покой... Выходит, в общем, не так-то трудно странствовать по свету, но есть такие места, куда тебе нет доступа, хоть ты лопни...

ПЕРВОЕ СЕНТЯБРЯ

Наступило утро первого сентября. Светало.

В долине вился туман, густой и белый, как молоко. Старушки ивы у ручья совсем были не видны. На травинках висели капельки холодной росы. Висели они и на голубых колокольчиках, и на белых цветах маргариток, и на жёлтых коронках ромашек. А над всем этим — алеющее небо.

Сегодня первыми встали не только папа с мамой, как обычно, — вместе с ними поднялась и Ганка. А пока они умывались и разговаривали, проснулся и Гонда. Вскоре в кухне собрались все четверо.

Ганка надела чистую синюю юбку и белую блузку. Потом мама расчесала ей волосы и заплела в две косички. Отец уже позавтракал и готов был идти на работу, но продолжал сидеть. Он взял Ганку за руку и сказал:

— Итак, девочка моя, сегодня мы снова идём с тобой на работу — я на фабрику, ты в школу, и уже

в третий класс. Держись, старайся, не роняй честь нашей семьи!

Они пожали друг другу руку как равный с равным. Гонда прекрасно всё это видел, и ему было очень завидно. Когда отец прощался с мамой, а потом с Гондой, он прочитал на лице мальчика грусть, понял его, посадил к себе на колени и сказал:

— А ты, мой дружок, не грусти, тебе это не идёт, у тебя лицо становится как сморщенное яблочко!

Он поцеловал Гонду и ушёл. В окно было видно, как он спустился по тропинке в долину и вошёл в озеро белого тумана, пока совсем не скрылся из виду.

И тут вдруг в окно донеслись тихие звуки далёкой музыки.

— Слышите? — удивлённо спросил Гонда. — Что это?

— Радио в Липнике. Чтобы детям было веселее вставать и собираться в школу.

— Мама, — попросил Гонда, — я хочу пойти с Ганкой.

— Куда?

— Проводить её.

— Ну что ж, иди, — согласилась мама.

У Гонды просветлело лицо. Если не в школу, так хоть до школы! Мама помогла ему одеться, они позавтракали и отправились на улицу все трое — Ганка, Гонда и Лапка. Гонда взял её с собой, чтоб не скучно было возвращаться.

ДОРОГА В ШКОЛУ

Солнце не спеша уже выпило всю росу. Стояла тихая, безветренная погода.

Ганка несла в руке букет, который они нарвали

вчера для учительницы. В нём были самые красивые полевые цветы. Ганка, Милена, Зденка, Фанда и Лойза собирали их вчера в большой букет.

Из дома выбежала Милена, а чуть дальше их уже ждала Здена, а с нею Фанда и Лойза. Ребята встретились и теперь шли все вместе. Розовощёкие, чистые, наглаженные, совсем не такие, как обычно. Даже Лойза, вечно измазанный, был сегодня аккуратный и чистый.

Когда они поднялись на холм, музыка стала совсем громкой — красивая, весёлая, под которую так легко шагалось.

— А теперь иди обратно, — сказала Ганка Гонде.

— Почему?

— А ты что, до самого Липника собираешься идти?

— Конечно!

— А возвращаться не побоишься?

— Пф! Я вчера один ходил в Липник.

Сначала ему не хотели верить, но потом всё же взяли его с собой.

Им навстречу попался паренёк в белой рубашке, с красным галстуком. Он шёл из Липника в Подлеси.

— Куда это он идёт? — удивился Гонда. — Почему не в школу?

— Он пойдёт в школу, — сказала Ганка, — но сначала он зайдёт за каким-то первоклашкой, чтобы отвести его.

— А что такое первоклашка?

— Кто первый раз идёт в школу.

— И его кто-то должен водить? Я бы сам ходил...

Музыка неожиданно умолкла, и из репродуктора послышался голос:

— Приветствуем всех детей, идущих сегодня в

школу! Желаем им успехов в учёбе, к которой они приступают...

Гонда насупился.

— Почему они так говорят, раз это неправда?

— Как так — неправда?

— Неправда, что они приветствуют всех детей...

А что, если кто-то не имеет права учиться?

Ганка поняла. Ей стало жаль брата. Она хотела обнять его, но Гонда увернулся, прибавил шагу и потряхнул головой:

— Идите, идите, не то опоздаете!

На проводах сидели ласточки, готовясь к путешествию на юг. А по всем дорогам, со всех сторон сходились к воротам своей школы школьники и школьницы. Ребят перед воротами собралось что скворцов в стае. Нынче никто не проспал. Кругом стоял точно такой же гвалт, как три дня назад у молотилки. Ребята были нарядные. Сверкали на солнце белые рубашки и красные галстуки пионеров.

Ганкино звено стояло довольно спокойно, только Здена Климова, этот сорванец, что ни минуты не может постоять на месте, носилась вокруг, размахивая руками, точно птица.

Продолжалось это недолго: вот школьный сторож пан Пинкава отворил железную калитку школьной ограды. Затем он открыл и большие школьные ворота, и дети потоком хлынули в школу, словно пчёлы в улей. Ганка на ходу поцеловала Гонду в щёку.

Давно уже все вошли в здание, а Гонда всё ещё стоял. Потом он вздохнул, пожал плечами и отправился с Лапкой домой. Он передвигал ноги, словно стеноженный конь.

Был чудесный тихий сентябрьский день. А Гонда вернулся домой и уселся в комнате. Он достал цветные карандаши и бумагу и начал рисовать. Сначала

он нарисовал простым карандашом большой дом, вокруг него забор и сад. Потом взял цветные карандаши и задумался. В какой цвет это раскрасить?

А потом и дом, и сад, и небо над ними раскрасил чёрным, грустным чёрным цветом.

Такая тьма, такая печаль царила, должно быть, в тех городах, что были накрыты, как о том рассказывают сказки, чёрным сукном.

И такой же печалью было полно теперь сердечко Гонды.

РАЗГОВОР С МАМОЙ

Иной раз время бежит быстрее воды, пролетает быстрее ветра. Это когда тебе что-то удалось, ты от души радуешься, и всё идёт как по маслу.

А иной раз время ползёт медленно, точно улитка, ещё медленнее, чем трава растёт. Это когда ты

о чём-то грустишь, тоскуешь и не знаешь, как поступить.

Гонда приплёлся на кухню и уселся на скамеечку возле печки, вид у него — само несчастье. Мама чистила картошку.

— Что с тобой, ты не собираешься на улицу? — спросила она.

— Да, — жалобно сказал Гонда, — там никого нет. Все в школе.

— А где же Олда?

— Спит, наверное... — Он поднялся, медленно пошёл к маме и уткнулся головой ей в колени.

— Ах ты, бедненький мой! — склонилась к нему мама и мокрой рукой пощекотала его голые ноги. — Так и собираешься сидеть весь день дома? А на улице так хорошо!

Гонда пригорюнился. Хорошо? Только для кого, вот вопрос. И, чтобы хоть как-то избавиться от этой назойливой мысли, он придвинул скамеечку к маме:

— Можно я буду чистить с тобой картошку?

Мама дала ему нож, и они принялись за работу. Гонда чистил, но мысли его витали где-то далеко.

— Мама, — спросил он через минуту, — а что это тут папа говорил, что у нас с тобой дома есть задания? Разве ты получаешь задания?

— Ну, а как же! — кивнула мама.

Гонда посмотрел на маму, не шутит ли она.

— А какие такие задания?

— Их немало, сынок, и я с удовольствием уступила бы кое-что из них тебе, если бы ты захотел, — сказала мама и стала перечислять: — Кто, например, утром готовит завтрак, застилает постели и наводит порядок? Чьё это задание? А кто носит воду, уголь, растапливает печь, чистит, скажем, картошку и готовит обед или ужин?

«А ведь верно!» — подумал Гонда.

— А цветы полить, в магазин сходить... А кто стирает бельё и зашивает порванные чулки, рубашки? А кто гладит, моет пол, протирает окна, кормит гусей, убирает двор? Придёте вы с Ганкой обедать, а папа ужинать, и, если бы тут был непорядок, если бы ничего не было готово, на кого бы вы сердились? Чьё это задание?

— Ага, — сказал Гонда вслух. — Это верно.

— Посуда после обеда да ужина тоже не сама моется. А когда весной нужно окучивать свёклу, а во время жатвы помочь с обмолотом или теперь вот, осенью, копать картошку да свёклу, кто ходит в поле помогать?

Гонда перестал чистить картошку, задумался, почесал мокрой рукой лоб. Мама взглянула на него и рассмеялась:

— Ах ты грязнуля! — сказала она и принесла зеркальце. — Посмотри-ка на себя!

Гонда посмотрел и тоже рассмеялся. Весь лоб у него был в мокрых грязных пятнах.

— Кто это сделал? — удивился он.

— Вот так вопрос! Кто, ну кто же? Кто тебе тёр лоб грязной рукой?

— Ага! — Он попытался вытереть лицо рукавом, но только ещё больше размазал грязь.

— Вымоешься потом как следует, а пока оставь!

Они продолжали чистить картошку. А в голове Гонды теснились назойливые мысли.

— Вот видишь, — сказал он через минуту, — у папы есть своя работа, у тебя есть, у Ганки есть, только у меня ничего нет, вечно говорите, что я ещё маленький!

— Постой, постой! — Мама перестала чистить картошку. — А может, ты ошибаешься? Здесь, дома,

ведь всё это и тебя касается. И у тебя тут есть задания.

— У меня? А какие?

— Вот смотри! Помнишь, что папа сказал? Ты и маленький — и не маленький. Если бы ты без всяких разговоров и напоминаний делал всё, что может и должен делать пятилетний мальчик!.. Если бы ты, к примеру, утром сразу же, как только встанешь, сам умылся, вычистил зубы и оделся. Сколько раз тебе приходится напоминать, а ты ещё ворчишь да возражаешь!.. Если бы ты вечером, прежде чем идти спать, всегда складывал свою одежду и ботинки в одно место и умывался, если бы ты всегда убирал за собой свои игрушки, а не разбрасывал их... Вот твои задания. Если бы я могла сказать папе, что всё это ты всегда и без разговоров выполняешь, думаю, он бы даже не поверил...

— Ну, это пустяки, — тряхнул головой Гонда и нахмурил измазанный лоб. — Кто этого не сумеет. Если я захочу...

Но мама покачала головой:

— Это не так-то просто. Такие вещи легко забываются!

— Правда... — Гонда почесал за ухом и снова оставил грязные полосы.

Несколько капелек грязной воды потекли вниз и защекотали ему за ухом. Он сделал новую попытку почесаться плечом, но только размазал эти грязные капельки по щекам до самого носа.

— Да, это ещё не всё, — вспомнила мама. — Ты можешь мне помогать здесь, на нашем домашнем производстве, и по-другому. Ты мог бы получить и другие важные задания...

— Другие? А какие? — Гонда от удивления подвинулся к маме.

— Нужно мне, скажем, купить хлеб, молоко... Ты пойдёшь и купишь. Так? Полить цветы за окном — это ты тоже мог бы делать каждый день. А кто пойдёт пасти гусей? Кто принесёт дрова, если понадобятся? Ты только подумай, сколько у меня времени высвободится! Если бы мы вот так дома поделили всю работу и твёрдо бы знали, что никто ничего не забудет, мы были бы отличными работниками. Вот бы папа удивился!

Гонда размышлял. Он молчал, чистил картошку и размышлял. Он думал и думал, словно блуждал в дремучем лесу, не зная, как из него выбраться. А потом вдруг взобрался на высокое дерево, осмотрелся и увидел тропинку. А там уж только гляди, как бы скорее пробраться сквозь чащу — направление тебе теперь известно...

Когда они дочистили картошку, Гонда взял свою маленькую лейку, отправился к колодцу за водой и полил все мускаты, растущие за окнами. И в кувшинчик с цветами, стоящий на столе, тоже долил воды.

Потом остановился перед мамой, расставив ноги и заложив руки за спину:

— Тебе ничего не нужно в деревне?

— Нужно-то нужно, — ответила мама, — да вот только кого туда послать?

— Меня!

— Тебя? Что ты! От тебя люди будут шараться!

— Почему это, — Гонда раскрыл от удивления глаза, — от меня будут шараться?

Мама снова подставила ему зер-

кало, и они оба вынуждены были сесть, так они смеялись.

— Это не каждый сумеет, — сказала мама, — так вот вымазаться и даже не подозревать об этом!

Она налила ему в таз воды. Гонда без разговоров умылся. Потом взял сумку, кувшин и отправился за покупками в деревню.

Вернувшись, он натаскал из сарайчика наколотые дрова и сложил их под печкой.

Потом принёс с чердака небольшой ящик, поставил его в углу передней за шкафчиком и сложил туда мяч, скакалку, коробочку цветных карандашей, деревянные кубики и чурбашки, деревянный трактор, железный паровоз с двумя вагонами, моточек проволоки, молоток и коробочку с гвоздиками, которую ему дал папа.

Мама молча смотрела на него, а когда он кончил, подошла и, оценив проделанную работу по достоинству, сказала:

— Вот видишь, сегодня наше производство в образцовом порядке. Сегодня ты был образцовым работником. Вечером расскажу об этом папе.

Гонда зарделся от радости словно роза.

МОЛОДЦЫ!

В полдень Ганка вернулась из школы и принесла новые учебники и тетради. Пока она обёртывала книги и надписывала тетради, Гонда с Олдой погнали гусей в долину к ручью.

Олда взял с собой нож. У ручья они срезали прутья и по очереди пытались вырезать на них украшения — полоски и колечки. И вдруг Гонда сказал:

— Олда, у тебя дома есть какие-нибудь задания?

Олда приоткрыл от удивления рот:

— Какие такие задания?

— Что ты на меня уставился? Ну, задания... Ты помогаешь маме?

Олда замотал головой:

— Что значит — помогаешь? Как это?

— Ну, понимаешь, — объяснял Гонда, — сходить, скажем, в магазин, полить цветы, всегда убирать за собой все свои вещи на место, без разговоров, понимаешь? Чтобы никто не напоминал. Ты сам утром умываешься?

— Само собой.

— Всегда-всегда? Даже когда мама не напоминает?

— Само собой.

— И сам одеваешься?

— Само собой.

— И вечером все вещи складываешь на место? Только не так, чтобы один ботинок под скамейкой, другой под печкой, рубашка на стуле, а штаны под стулом.

— Само собой.

Гонда был огорошен.

— И тебе никто никогда, понимаешь — никогда не напоминает?

Олда призадумался.

— Ну, иногда напоминает.

— Ага! — вскочил Гонда. Он уж боялся, что только он один забывает или не хочет убирать за собой, а остальные не такие. — Вот видишь, видишь! — закричал он почти обрадованно, а потом придвинулся к Олде: — В том-то и дело, чтобы тебе никто не напоминал, а ты сам всё помнил, понимаешь, сам... Вот было бы! — И тихо добавил: — Вот бы ты был молодчина!

Слово «молодчина» — слово хорошее, чёткое, словно солдаты маршируют, а сапоги, поскрипывая, печатают шаг: раз-два, раз-два. Словно лошадка скачет галопом с развевающейся гривой, а подковы у неё стучат: цок-цок-цок. Это такое слово, что, кажется, его можно даже попробовать на вкус.

Гонда с Олдой говорили, говорили и договорились до того, что оба они должны стать молодцами.

Потом они погнали гусей домой.

— Ты умеешь свистеть? — спросил Олда.

— Конечно! А ты?

— Само собой!

— Ну, посвисти что-нибудь, — попросил Гонда.

— А что?

— Ну, хоть «Девушка синеглазая».

Они попробовали свистеть вдвоём. Это напоминало всё, что угодно — шорох, писк, скрип, шипенье, — только не нормальный свист. Время от времени у них даже получалось сносно, но до мелодии песенки было ещё очень далеко. Тогда они бросили это занятие, пытаясь переключить внимание на другое:

— Смотри-ка, зайка!

Многому, многому им ещё следует научиться для того, чтобы стать настоящими молодцами!

НИ С ТОГО НИ С СЕГО ГРУСТЬ, ЗА НЕЙ СЛЕДОМ — РАДОСТЬ

Так уж оно на свете бывает. Одолеет тебя грусть, и сам не поймёшь, в чём тут дело, но не успеет один день сменить другой, — такая радость тебя наполнит, словно в твоей душе расцвели вдруг и заблагоухали розовые куши.

Гонда с Олдой пригнали гусей домой, а потом пошли ещё немного поиграть с ребятами на площади.

На Подлеси уже спустились сумерки, розовые облака становились лиловыми, а с лугов в деревню тянуло вечерней сыростью. Над избами носились летучие мыши, руки и ноги кусали комары. Снизу от ручья, словно из тёмной пропасти, доносилось кваканье лягушек.

Гонда пришёл домой и замер на пороге. Не успев закрыть дверь, он уже поднял нос и начал принюхиваться... В печи потрескивали дрова, кастрюли на плите шипели, и от них поднимался лёгкий пар. На Гонду пахнуло знакомым запахом.

— Сегодня гороховый суп? — спросил он, закрыл дверь и направился к печке.

— Ты ничего не забыл? — заметил отец.

— Добрый вечер! — тихо поздоровался Гонда.

Он покраснел, ему сделалось неловко, что он снова об этом забыл. Сколько уж раз ему твердили!

— Садись ужинать, бродяга! — позвала его мама.

Гонда подскочил к столу и готов был уже сесть, но... снова встал, вытащил таз для умывания и поставил его на скамейку. Потом он принёс мыло с полотенцем и поспешно вымылся. Руки, лицо, а потом и ноги. Только после этого он нетерпеливо уселся за стол.

Гонда ужасно любил гороховый суп, да к тому же он был голоден.

Отец тем временем расспрашивал Ганку, что было в первый день в школе. То-то и то-то, рассказывала Ганка и показывала ему новые учебники, по которым они в этом году будут заниматься.

— Гм, гм! — кивал головой отец. — Выходит, с

завтрашнего дня у вас работа пойдёт полным ходом... Берись-ка за неё с самого начала, чтобы твои дела шли успешно.

И тут мама сказала:

— Не думайте, что только у вас начинается успешная работа! Мы сегодня с Гондой тоже отлично начали, и у нас за плечами немало на совесть сделанной работы. Хотите знать, сколько сегодня всего успел Гонда? Помог мне начистить картошку и сходил в магазин за покупками. Натаскал для печки дров. Полил мускаты, сложил все свои игрушки в ящичек, был аккуратным. Пас гусей, а вечером, когда будет раздеваться, сложит все свои вещи в одно место, чтобы доказать вам, что он уже не маленький. А как он сам, без слов умылся — это вы видели. Ну, что вы на это скажете?

У Гонды засверкали глаза. Вот именно! Что вы на это скажете?

Отец протянул ему через стол руку.

— Молодчина! — Честное слово, так и сказал. — Конечно, одна ласточка весны не делает и дерево одним ударом тоже не свалишь, но сегодня да завтра, а там каждый день — и пусть после этого кто-нибудь скажет, что ты маленький!

Когда земля ороется тёплым майским дождиком, природа жадно впитывает влагу и повсюду — в полях, лугах, в садах — всё разрастается, расцветает и распускается, словно состязаясь друг с другом. А когда человек услышит чистосердечную похвалу за хорошую работу, словно живительный сок заструится по всем его жилкам. Он бурно стремится свершить во сто крат больше, всё доказать, всё преодолеть, всё осилить.

В Гонде всё пело от радости. Так поёт ручей после большого дождя...

НАЧАЛО БОЛЬШОГО БОЯ

Вечерняя зорька догорела, за окнами стояла крошечная тьма. А во тьме мерцали мириады звёзд.

В другой раз Гонда уже не спеша готовился бы ко сну, но сегодня ему решительно не хотелось спать.

Он вскочил отцу на колени, обнял его за шею и так крепко сжал, словно готов был задушить.

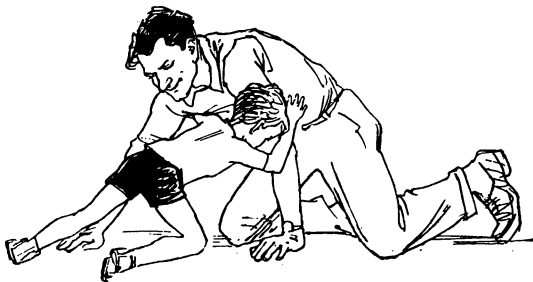
— Вот это сила, вот это сила! Пожалуйста, не задушите меня, пан лев! — просил отец Гонду.

— Папа, давай бороться! — клянчил Гонда.

Это было самое любимое его занятие: когда у отца выдавался свободный вечер, они принимались бороться. Отец ползал по полу на четвереньках и рычал, как тигр, а Гонда тоже ползал на четвереньках и рычал, как лев. Потом они кидались друг на друга, рычали, боролись, и Гонда-лев как бы клал на лопатки папу-тигра.

— Хорошо, — согласился папа. — Борьба так борьба.

И вот уж они ползут на четвереньках друг на друга и рычат так, что мама предусмотрительно отходит в угол.

— Оставьте меня в покое! — отбивалась она, когда Гонда-лев хватал её зубами за юбку.

На Ганку, в свою очередь, наступал папа-тигр. Она, взвизгнув, вскочила на стул в другом углу кухни. И смеялась, что Гонда-лев время от времени лаял — гав-гав.

— Кто же ты, собственно, такой? Лев или собака? Разве лев лает?

— Вам этого не понять, — отмахивался папа.

И вот уже Гонда кинулся на него, обхватил руками за шею и мял, хватая зубами за рубашку. То папа был наверху, то Гонда, они рычали и лаяли... Наконец лев победил. Папа лежал на лопатках, а Гонда сидел у него на груди.

Потом они уселись друг против друга, запыхавшиеся и растрёпанные. Гонда, довольный, продолжал рычать и ползать взад и вперёд по полу. Он ещё не растратил свою энергию.

— Смотрю я на вас, пан лев, — сказал вдруг отец, — и вижу, что вы прирождённый боец. Хотели бы вы вести такой бой, какой вам и не снился?

— Врррр, хрррр! — рычал Гонда в знак согласия. Он подполз к отцу.

— С завтрашнего дня можно и начать, и бой этот продлится целый месяц. Вот это будет бой, братцы! Гонда перестал рычать и наострил уши.

— Целый месяц?

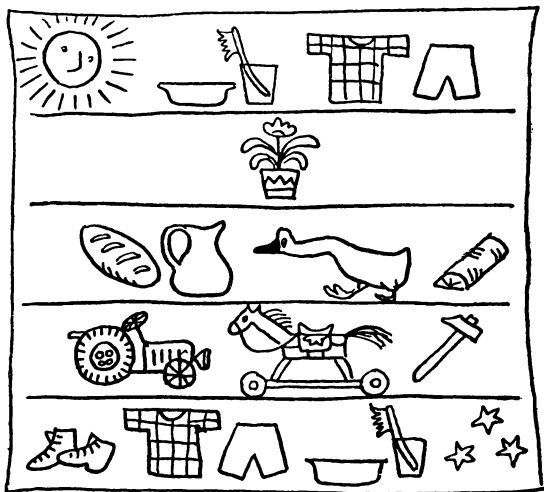
Папа встал.

— Дай-ка мне, Ганка, карандаш и бумагу!

Когда Ганка принесла ему то и другое, он сел к столу и позвал маму с Ганкой:

— Есть у вас минутка времени для семейного совета?

Все уселись. Гонда прямо ёрзал от любопытства. Отец взял листок и начал рисовать.

В первом ряду он нарисовал солнышко, таз для умывания, стаканчик с зубной щёткой, рубашку и штанишки.

Во втором ряду — горшок с цветами.

В третьем — буханку хлеба и кувшин, гуся и полено.

В четвёртом — трактор, лошадку и молоток.

В пятом — ботинки, рубашку и штаны и снова таз для умывания, стаканчик с зубной щёткой и три звёздочки.

Гонда ломал голову, что бы это могло означать. Зачем папа это рисует?

— Я изобразил здесь то, — сказал папа, — что должен ежедневно делать всякий порядочный пятилетний человек. Во-первых, утром, как только встанет солнышко, самому умыться, вычистить зубы и одеться. Во-вторых, взять на себя заботу о цветах за окном и каждый день поливать их. В-третьих, помогать маме, когда нужно и чем нужно: сходить в магазин, попасть гусей, натаскать дров... В-четвёртых, всегда убирать за собой игрушки и прочие вещи, ничего не разбрасывать. И, в-пятых, вечером, как только на небе зажгутся звёзды, снова самому, без разговоров умыться, раздеться и сложить всё в одно место — ботинки, рубашку, штаны. Я тут нарисовал пять рядов. Думаю, тебе пора научиться считать не меньше чем до пяти, а то и до десяти. А пожалуй, и самому подписываться. Что вы на это скажете? Согласны, чтобы так было?

Кивнула мама, кивнула Ганка, кивнул и Гонда.

— А вас, пан лев, я вызываю на бой. Сегодня вы всё это сумели сделать, но сумеете-ка вести себя так каждый день в течение целого месяца и ни разу ни о чём не забыть! Отважитесь?

— Да-а-а! — Гонда соскочил со стула, выпятил грудь и зарычал.

— Сделаем так, — продолжал папа. — Вот этот листок повесим на стенку, чтобы он всегда находился у тебя перед глазами и ты знал, что тебе нужно делать. Я каждый вечер буду проверять, а мама будет сообщать мне, не забыл ли ты чего из своих обязанностей. Этот листок послужит как бы договором между тобой и нами. Если ты всё выполнишь, ты выиграл, и я тебе в этот день нарисую в календаре белый кружок. Если ты о чём-нибудь забудешь, ты проиграл и получишь в календаре чёрный кружок. Понимаешь? Целый месяц будем вести борьбу, хочешь?

— Да-а-а! — загорелся Гонда. — Будем вести борьбу, и ты увидишь!

— Чёрный кружок-то ты получишь, не сомневайся!

— А вот и не получу!

— Не получишь?.. У тебя пока ещё не хватит сил... Один или два — это ещё куда ни шло. Три или четыре — уже похуже, но и в этом случае я тебя признаю победителем. Но уж пять кружочков получить ты не имеешь права, это будет означать, что ты проиграл, что ты шляпа.

— Выиграю, вот увидите! — Гонда снова выпятил грудь и замаршировал по комнате: раз-два, раз-два, трамтарара, трамтарара!

— Не говори «гоп», пока не перепрыгнешь. Повторяю: бой предстоит тяжёлый, — предупреждал его отец.

— Выиграю, я лев! — ни минуты не сомневался Гонда.

— Лев? — засмеялась Ганка. — Где ты видел льва, который чистит щёткой зубы и снимает ботинки? Или пасёт гусей? Или приходит в магазин и просит буханку хлеба? А как лев понесёт кувшин с молоком?

Гонду это тоже ужасно рассмешило, но глаза его сверкали по-прежнему, и про себя он думал: «Всё равно выиграю, теперь-то я вам покажу!»

— Ну хорошо, — заключил отец. — Подпишем договор, и с завтрашнего дня начинается бой. Если ты выиграешь, мне придётся признать, что ты уже не малыш, а молодчина!

Отец написал на листе еле заметно «Я Н», а Гонда обвёл буквы карандашом — это была его подпись. Потом под этим знаменательным договором подписался папа, а также мама и Ганка в качестве

свидетелей. Подписанный лист двумя кнопками прикрепили на стене возле календаря.

Гонда скакал вокруг них на одной ноге и бахвалился без конца. Потом они с Ганкой собрались спать. Они начали раздеваться, и Гонда аккуратно складывал всё на стул. Отец, как-то подозрительно улыбаясь, подошёл к ним. Когда Гонда готов был уже нырнуть под одеяло, он спросил:

— А зубы вы, пан лев, вычистили?

У Гонды сердце так и ёкнуло. Забыл, честное слово, забыл! Он соскочил с кровати и помчался в кухню, Ганка — за ним. Она тоже забыла. Папа кричал им вслед:

— Вот видите, пан лев! Будь это завтра, вы бы уж заработали в календаре чёрный кружочек. Я же вас предупреждал — бой предстоит тяжёлый.

Дети лежали в постелях. Ганка уже уснула. Но Гонде сегодня не спится. За окном мерцали хороводы звёздочек, а между ними вилась светлая дорожка Млечного Пути. Не умолкая стрекотали кузнечики — да спят ли они вообще когда-нибудь? А как квакают лягушки внизу у ручья! Сколько же их, если даже здесь слышно!

Вдруг маме в кухне послышалось, что Гонда тихо заплакал. Она вошла в комнату, подседа на край кровати, погладила его и с беспокойством спросила:

— У тебя болит что-нибудь?

Когда Гонда обернулся, мама увидела, что он не плачет, а смеётся, смеётся в подушку, тихо, чтобы его не услышали.

— Ничего у меня не болит, — смеялся он и хлопал руками по одеялу. — Просто я вспомнил, как Ганка говорила про льва... Что бы, по-твоему, сделал пан Голец, если бы вдруг дверь магазина отворилась, вошёл лев и прорычал: «Мне нужна буханка хлеба!»

Все бы разбежались, а лев за ними и рычит всюю: «Мне нужна буханка хлеба... Мне нужна буханка хлеба...»

— Спи уж, — смеясь, сказала мама. — Завтрашний день не за горами, а ты знаешь, какой тебе бой предстоит!

С минуту она с любовью смотрела на него, потом взбила одеяло, прикрыла Гонду до самого подбородка, поцеловала и ушла в кухню.

Гонда долго ещё не мог уснуть. Да и как иначе? Завтра он начнёт... И подождите! Вы увидите!

ВСЁ ИДЁТ КАК ПО МАСЛУ

Договор, в котором сказано, что, если ты выполнишь то-то и то-то, ты будешь молодчиной, такой договор — замечательная вещь. Человек, у которого есть подобный договор, ходит по свету совсем не так, как прежде.

Прежде он ходил и делал что взбредёт в голову, жил как придётся. Делал что угодно, жил как угодно и не задумывался, правильно ли то, что он делает, и то, как он живёт, или неправильно.

Но, когда знаешь, что нужно сделать то-то и то-то, если хочешь стать молодчиной, совсем иное дело. И голову ты держишь высоко, с гордостью и всем можешь прямо смотреть в глаза. Пусть внимательно посмотрят на тебя, пусть проверят, расспросят, и любому придётся признать, что ты живёшь и ведёшь себя правильно.

Не успел Гонда на следующий день проснуться и протереть глаза, как вскочил и бросил взгляд на стену — висит ли там листок, который они вчера с папой подписывали. Листок висел! И в первом ряду

отчётливо были видны солнышко, тазик, стакан с зубной щёткой, рубашка и штаны.

— Гм! — Гонда повернулся спиной к листку и, покачиваясь, переступал с ноги на ногу.

Это, по-видимому, должно было означать: «Даже если бы тебя не было, я всё равно помню, что мне нужно делать».

Он вбежал в кухню, поздоровался с мамой и сразу кинулся к тазу. Он долго-долго мыл руки щёткой

и мылил лицо. Потом тщательно вычистил зубы и побежал обратно в комнату. Там он оделся и вернулся на кухню. Он молча стоял перед мамой, повернув к ней лицо и протягивая руки, порозовевшие от долгого мытья и чистые, словно омытые росой. Ждал, что скажет мама.

— Вот таким ты мне нравишься, — проговорила мама, осмотрев руки, лицо Гонды, а затем его всего, но потом рассмеялась: — Но взгляни на свои ноги!

— А что? — удивился Гонда.

— Ты ничего не замечаешь?

Гонда только покачал головой.

— Левый сандалик у тебя на правой ноге, а правый — на левой. И рубашка надета наизнанку... Пойди сюда, путаник ты мой! — Она хотела ему помочь.

— Не нужно!

Гонда вырвался, убежал в комнату, вернулся оде-

тый и обутый, как полагается, и стал перед мамой навтыяжку, словно солдат на смотре.

Мама снова осмотрела его со всех сторон и похвалила.

— А теперь завтракай!

— Сейчас! — крикнул Гонда и помчался за лейкой.

Полил все мускаты и только после этого уселся к столу завтракать.

— А что теперь? — спросил он после завтрака.

— Отправляйтесь с гусями к ручью!

— Хорошо-о-о, — согласился Гонда и побежал на улицу.

Всё шло как по маслу. Правда, иной раз всё держалось на волоске, таком тонком, что, того и гляди, оборвётся. Может, он оборвётся у Гонды ещё сегодня?

МАЛЬКИ И ПЧЕЛА

Пасти гусей Гонда любил. Один он, может, и не так бы к этому стремился, но они ходили вместе с Олдой, и вдвоём им бывало весело. Отец покрасил гусям пёрышки на голове синей краской, чтобы их не спутать, так что никаких хлопот. Они пригоняли гусей к ручью — пусть их там поплавают, побродят в воде да сполоснут запылившиеся перья, пусть пощиплют на лужайке возле ручья что им вздумается: траву, листья одуванчиков, щавель — по своему усмотрению.

Дошли до ручья.

Солнце пригревало так же, как вчера и позавчера. Гуси выкупались и тихо, чуть слышно гоготали, расхаживая по лужайке и пощипывая траву.

Гонда с Олдой бродили по берегу ручья.

Затрещала стрекоза с большими крыльями, заполз в нору рак-отшельник. Большой жук с синеватыми крыльями и с огромными усами перелетел с одной ивы на другую и забрался в гнилое дупло. Только солнце лазурью блеснуло на его крыльях. Жук-дровосек!

Водомерки заскользили по воде к другому берегу, и укрылись под кустиками незабудок.

Гонда с Олдой устроили на отмели небольшой прудик с плотиной из песка и мелких камешков. Потом они разошлись в разные стороны и принялись ловить под камнями пугливых мальков.

Ловить мальков руками — это настоящая охота, и отнюдь не лёгкая. Надо хорошенько заприметить, под какой камень спрятались эти маленькие рыбёшки, которые — стоит их вспугнуть — только тенью промелькнули в воде. Потом нужно не спеша обхватить этот камень руками и пальцами осторожно нащупывать мягкое тельце рыбки. А как нащупаешь, хватай её — ведь она такая маленькая и скользкая, что, как прачило, выскальзывает из твоих рук, даже когда её уже держишь в обеих ладонях! Десяток мальков ухватишь вот так руками, а удержишь только одного.

Они ловили долго, пока у них в прудике не оказалось семь рыбок. Трёх поймал Гонда, четырёх — Олда. Тогда они улеглись в траву и, склонившись над водой, наблюдали за мальками в своём прудике. А потом отправились ловить новых.

Вдруг Гонда увидел, что ручей несёт пчелу. Крылышки у неё обвисли, она беспомощно барахталась в воде, тщетно пытаясь выбраться. Гонда потянулся — но тут нога у него скользнула, во все стороны полетели брызги, и Гонда окунулся в воду по самую шею. Он вскрикнул от испуга и выкарабкался на берег.

У Олды сердце тоже ёкнуло от страха. Как теперь быть?

— Пойдём скорей домой! — сказал он.

Гонда стоял на берегу мокрый, жалкий, вода струилась с него, словно из дырявой водосточной трубы. Он, того и гляди, готов был разреветься.

— А где же пчела? — спросил он, чтобы скрыть свою растерянность.

— Я её вытащу, — сказал Олда, — а ты беги домой!

— Да, домой! А что мама скажет?

— Не бойся, — утешал Олда. — Ты наверняка обсохнешь, пока дойдёшь.

— Да, обсохну! — вздохнул Гонда, мужественно

глотаю подступившие слёзы. Он вытянул руки и стал на солнышке.

Олда тем временем нашёл новый прут, улёгся на живот, дотянулся и выловил пчелу. Он положил её в траву, посмотрел на Гонду и сказал:

— Ну вот, теперь вы с ней одинаковые...

Гонда стоял на солнце, вытянув руки, чтоб у него высохли и рукава, а пчела тоже старалась расправить обвисшие крылышки, чтобы они обсохли. Но сентябрьское солнышко греет не так-то жарко, и оба они обсыхали страшно медленно...

ОЛДА ПОМОГАЕТ ГОНДЕ

Что же делать? Олда взял Гонду за руку и, погоня прутиком своих и его гусей, медленно шёл к дому. Не доходя до крайнего домика Подлеси, ребята остановились и долго о чём-то шептались.

— Не бойся, — сказал наконец Олда, — я сам скажу. — И побежал вперёд.

Он постучал к Досталам, вошёл, поздоровался и остановился в дверях.

— Мы уже пригнали гусей, — сказал он.

— Молодцы, — ответила Гондина мама, продолжая помешивать что-то в кастрюльке на плите.

Олда переминался с ноги на ногу.

— Пани Досталова, — выдавил он наконец. — Если бы вы видели, что в ручье тонет пчела, вы бы помогли ей?

— Ну конечно, помогла бы...

— Да... а если бы вы при этом упали в воду и вымокли?

— Ну и вымокла бы. Одежда просохнет, зато пчела будет спасена...

Олда облегчённо вздохнул:

— Вот видите! А Гонда вымок и боится, что вы рассердитесь.

— Что? Ну и хитрецы! — сказала пани Досталова.

Но Олда уже помчался, чтобы позвать Гонду, который ждал за углом:

— Иди скорее, мама не сердится!

— А ты герой! — смеялась мама над Гондой, когда он вошёл в дом. — Боялся, что я тебя укушу? — Она сняла с него мокрую одежду и сандалии и надела всё сухое.

— А я не получу чёрный кружочек? — робко спросил Гонда.

— Да за что? За то, что ты хотел спасти пчелу? Чего же тут стыдиться?

Только тогда Гонда успокоился и повеселел. Ну что за мама!

Вскоре оба, Гонда и Олда, сидели на солнце перед домом, спокойно и беззаботно беседуя, словно вообще ничего не случилось.

— А как там пчела? Тоже уже обсохла?

— А есть у пчёл мамы?

— Вот так так! — вырвалось вдруг у Олды.

— Что такое? — испуганно спросил Гонда.

— А про мальков-то мы забыли!

И верно. Наловили — и оставили. Но это дело поправимое. Они снова помчались к ручью, разрушили

песчаную плотину прудика и довольные смотрели, как рыбки одна за другой находили дорогу и благополучно исчезали в волнах ручья...

Потом они искали пчелу, но её в траве не оказалось. Тоже уж небось обсохла да улетела...

Так оно в жизни и бывает... Когда Олда недавно разбил колено, Гонда ему помог. А сегодня Олда, в свою очередь, вызволил Гонду из неприятной истории. Один раз со мной что-то случится, другой раз с тобой, но, если у тебя есть хороший друг, беда не велика, выход всегда найдётся.

Вечером папа нарисовал Гонде в календаре первый чистый, белый кружок. Белый! Он так красиво выделялся на календаре, словно полная луна, светившая над Подлеси. А на сердце от этого кружочка становилось так тепло, словно тебя знойным летом пригрело полуденное солнышко. «Подождите, — мысленно повторял Гонда, — вот увидите, сколько я вам таких солнышек наделаю!»

ДОЖДЬ ИДЁТ...

На другой день погода испортилась. А было как раз воскресенье, папа целый день дома, можно бы пойти побродить всем вместе, так вот на тебе!

С утра накрапывало, а пополудни хлынул проливной дождь. Тучи неслись над землёй так низко, что казалось, вот-вот заденут за верхушки тополей, видневшихся за холмом в Липнике.

На улицу выйти было невозможно. Ганка готовила уроки, а Гонда смотрел в окно. Он наблюдал за нахохлившимся воробьём, который пытался укрыться от дождя под ветками дерева, но у него ничего не получалось. Гонда тихонько посоветовал ему:

— Лети, глупыш, под крышу, там сухо!

Воробей, как бы услышав, послушался — и фрр! — прямо под жёлоб. Гонда, довольный, пробурчал:

— Вот видишь...

Он смотрел, как по дороге, ведущей вниз, с шумом несётся ручеек мутной воды. Послушал, как за окном и по карнизу барабанит дождь, когда налетают порывы ветра...

Смотрел, смотрел, пока ему не надоело. Дождь лил как из ведра, и Гонде сделалось скучно.

Он подошёл к стене, на которой висел листок с его договором, и, заложив руки за спину, стал изучать, что ему, собственно, ещё остаётся на сегодня сделать.

Первый и второй ряды уже позади — умылся, оделся, полил мускаты.

Третий ряд — сходить за покупками и пасти гусей — сегодня отпадает: воскресенье, магазин закрыт, дождь идёт...

Четвёртый ряд — игрушки и всё остальное он сложил, так что никаких забот. И вечером он тоже всё сделает. Выходит, всё в порядке. «Да, а что это, — пришло ему вдруг в голову, — папа говорил про то, чтобы научиться считать?»

Он направился в кухню. Нужно будет об этом разузнать.

СЧИТАЕМ

Папа лежал на диване и читал какую-то книгу. Гонда тихонько, на четвереньках, подкрался к нему, рывкнул и обхватил его за шею. Волей-неволей папе пришлось отложить книгу.

— Папа, давай бороться! — клянчил Гонда.

— Бороться? Лучше ляг со мной да Расскажи что-нибудь.

— А что?

— Что-нибудь интересное! Например, про вчерашнюю историю с пчелой.

Гонда рассказал, только вкратце. Ничего примечательного для себя он в этом не находил. Потом он встал и попросил:

— Папа, давай считать!

— Считать? Что? Чего это ты вдруг?

— Ты говорил, что я должен научиться считать.

— Ага! — понял наконец папа — листок на стене. — Верно. — Он слегка повернулся к нему: — А что ты умеешь?

Гонда пожал плечами.

— Пальцы на руке ты уже сможешь сосчитать?

— Давным-давно, — сказал Гонда. — Один, два, три... один, два, три... — Он морщил лоб, думал, но никак не мог вспомнить.

— Четыре, — подсказал папа.

— Ну да, ну да! Всегда я это забываю... Четыре, пять! Один, два, три, четыре, пять!

— А дальше?

— Как дальше?

— На другой руке?..

— Один, два, три, четыре, пять... — снова сосчитал Гонда.

— Постой, постой... На одной руке пять и на другой пять, сколько это всего?

Гонда не знал. Тогда они стали учиться считать до десяти. Один, два, три, четыре, пять. Это шло легко. А дальше? Шесть, семь, девять... нет! Шесть, семь, восемь, десять... нет! Шесть, семь, восемь, девять, десять, вот так.

— А что, если мы сделаем, как в школе? — предложил папа. Он взял ложку, постучал о стакан. — Звонок. Начинаем урок арифметики.

Папа спрашивал:
— Сколько у нас цветочных горшков за окном?.. Сколько в кухне стульев?.. А в кухне и в комнате вместе? Сколько картин висит у нас на стене?.. А сколько тополей в Липнике?.. Сколько человек у нас в семье?.. Сколько у меня пальцев?.. А если я два спрячу?.. А если ещё один?

Гонда считал, отвечал. Ему приходилось задумываться. Иной раз он ошибался, но чаще отвечал правильно. Пять! Четыре! Три! Шесть! Один!

— Хорошо, Ян Достал! — хвалил папа. — Молодчина, получишь сегодня пятёрку.

Потом они взяли карандаш и бумагу, папа нарисовал одно солнце, два стакана, пять лошадок, три цветочных горшка, четырёх гусей.

— Читай! — сказал он Гонде.

И Гонда читал:

— Одно солнце, два стакана, пять лошадок...

— Замечательно! — снова похвалил папа; он ещё два или три раза заставил его прочесть то, что было нарисовано. — Ишь ты, и читать уж скоро научишься!

А потом стал давать ему задания:

— Нарисуй мне три деревца, два солнца, пять крестиков, две звёздочки, один дом...

Гонда рисовал и рисовал. Он готов был рисовать до вечера, ему это ужасно нравилось — ведь всё было как в настоящей школе, вы только подумайте! Но папа сказал:

— Хватит! — Он снова постучал ложкой по стака-

ну, и урок арифметики закончился. — Теперь прибе-
рите всё, начнётся урок физкультуры. Приготовьтесь
к большому сражению льва с тигром!

И не успел папа оглянуться, как всё было акку-
ратно убрано.

Потом папа с Гондой стали на четвереньки, и на-
чалось большое сражение: два льва против одного
тигра.

— У нас прямо как в цирке, — разводила руками
мама.

И снова звонок... Все уселись, чтобы отдышаться.

— А теперь урок пения. Ганка, принеси гитару!

Ганка побежала в комнату и очень скоро верну-
лась с гитарой.

— Какую споём? — спросил папа.

И Ганка негромко, поглядывая при этом на Гон-
ду, запела чистым голосом:

«Раз, два, три, четыре, пять.

Что ты, Гонда, съел опять?» —

«Печёна картошка, маслена немножко!»

— Вот это песенка! Самая подходящая для
нас! — похвалил её папа. — Споём-ка все вместе.

Они спели несколько раз. Гонда хотя и ворчал,
однако песенка ему понравилась. Ведь это о нём!
О Гонде!

Наконец все умолкли. Папа на минуту задумался,
тихо перебирая струны.

— Раз уж наш Гонда такой хороший боец, — ска-
зал он потом, — споём ему ещё вот что! — Он запел, и
Ганка сразу подхватила:

Зáмок на холме я тот проведаль,

Что пойду я на войну, не ведал.

Но, коль надо мне с врагом сразиться,

Саблею своей я буду биться!

Такая песня пришлась Гонде по душе, главное вот это: «...но, коль надо мне с врагом сразиться, саблею своей я буду биться!» Они спели и эту песню несколько раз, а потом и другие песенки, пока урок пения не кончился и не наступило время ужинать.

И, когда после ужина папа рисовал в календаре второй белый кружочек, Гонде казалось, что чёрных там вообще никогда не будет.

— Сколько ещё дней остаётся до конца? — спросил он.

— Двадцать семь.

— Так много! — удивился Гонда. — Вот сколько белых кружочков у меня будет. Вот увидите!

— Я тебе уже сказал: не говори «гоп», пока не перепрыгнешь! — унимал его папа.

Но это не охладило Гондина пыла.

— Подождите! Увидите!

Будет бой?

Будет!

А кто победит? Увидите!

П И Ш Е М

На следующий день утром, как только Гонда проснулся, у него в голове сразу же зазвучала вчерашняя песенка. Он сел на кровати и запел:

Но, коль надо мне с врагом сразиться,
Саблею своей я буду биться!

Он встал и промаршировал под музыку в кухню. При этом он пел, как и накануне: больше кричал, чем пел, голосок его ещё не окреп для настоящего пения.

— Вы немного фальшивите, певец! — остановила его мама.

— Добрый день! — поздоровался Гонда и протянул маме руки.

Она обняла его, поцеловала, и Гонда сразу же стал просить:

— Мама, пойдём считать!

— Но прежде тебе следовало бы умыться, а?

— Ага!

Делать нечего, Гонда побежал умываться. Вернувшись, он показал маме чисто вымытые лицо и руки и ожидал похвалы, но мама молчала. Она долго смотрела на него, качая головой, потом подвела к стене, на которой висел листок, взяла за руку и приложила его палец к тому месту, где был нарисован стакан с зубной щёткой. Она ничего не сказала, только вопросительно посмотрела на Гонду и покачала головой.

— Ой! — съёжился Гонда.

Не будь мамы, он бы совершенно забыл об этом. Он тотчас помчался чистить зубы, но уж после этого просто замучил маму. Оделся, помог ей вытереть посуду, потом они вместе принялись за картошку. Гонда помогал чистить, но мама при этом должна была всё время его спрашивать.

— Сколько у нас за окном мускатов?.. Сколько картошек я уже очистила?.. А вот это сколько пальцев?.. А если я два спрячу?.. А сколько воробьёв сидит вон там на ветке?

Гонда считал, отвечал, они вместе пели «Раз, два, три, четыре, пять» и «Замок на холме». И снова считали.

Погода разгулялась. Дождь время от времени ещё накрапывал, но тучи уж рассеивались, как ветер ни старался нагнать их снова. Временами проглядывало солнце. А потом ветер, как бы налетавшись и устав, уgomонился и затих, небо прояснилось.

— Знаешь что? — сказала мама. — Раз уж ты так взялся за учёбу, что, если нам поучиться подписываться?

Гонда прямо задохнулся от восторга:

— Хорошо-о-о!

Они взяли карандаш и бумагу, и мама написала крупными буквами: «ЯН ДОСТАЛ».

— Попробуй-ка сам, — сказала она.

Гонда стал писать. Сначала маме приходилось много помогать ему и подправлять неверно написанные буковки. Дважды у него ломался карандаш, так усердно он нажимал на грифель, пока наконец ему не удалось написать, правда страшно неровно, но всё же так, что можно было прочесть:

ЯН ДОСТАЛ

— Вот видишь, — сказала мама, — дело идёт!

Гонда засопел от удовольствия. Когда вечером вернётся папа, интересно, что он на это скажет?

Небо тем временем окончательно прояснилось.

— Теперь ступай погуляй, — предложила мама Гонде.

Она взяла кусок картонки от коробочки из-под сахара, снова написала на нём «Ян Д о с т а л», достала из-под печки щепочку и сказала:

— Пойди на улицу и поучись вначале писать щепкой на земле, а то нам ни карандашей, ни бумаги не хватит!

Гонда выбежал на улицу, зажав в одной руке щепку, а в другой — картонку со своим именем.

Он писал без устали, даже щепка трижды обломилась и он ободрал палец, но что за беда. Гонда отыскал камень, такой беловатый камень, и продолжал писать им...

ИМЕНА ГЛУПЦОВ НА ВСЕХ ЗАБОРАХ

Вскоре на улице показался Олда. Тот живо выяснил, что этим камнем можно писать и на стене и на столбах.

Это Гонде придало духу. Он взял камень и сразу же написал на стене своего дома «Ян Достал», а Олда нарисовал рядом домик, что должно было означать: здесь, в этом домике, живёт Ян Достал. Но этого им показалось мало. Гонда и на доме Заицев написал «Ян Достал», а Олда снова нарисовал домик, хотя на сей раз это было неправдой — ведь Ян Достал тут не жил. Это занятие им понравилось, они шли от дома к дому и вместе рисовали и писали.

Они даже не заметили, как за их спиной кто-то остановился. Высунув от усердия кончик языка, Гонда как раз успел написать Ян Дост¹ и хотел продолжать, когда сзади раздался голос:

— Вот теперь ты написал правильно!

Мальчики оглянулись. Позади них стоял дед Хохолин. Он кивал головой, и Гонда, улыбаясь во весь рот, подбежал к нему:

— Знаете, что я написал?

Дед прищурил глаза:

— Ты что ж думаешь, дед Хохолин читать не умеет?

— Тогда прочитайте вот это!

— Ну так я и читаю — Ян и Дост. Ты написал верно...

— Это ещё не всё, — подбежал Гонда к стене, чтобы дописать.

— А мне по душе именно то, что там есть: ДОСТ! Как вы полагаете, друзья, может, уж и впрямь доста-

¹ Дост (dost) — по-чешски означает «довольно», «достаточно».

точно? Или вас похвалят за то, что вы так вот исчеркаете все стены? Недаром говорят — имена глупцов на всех заборах! Не знаю, не знаю... полагаю только, когда люди заметят этакое, они пойдут к твоему отцу жаловаться... Хорошеньким делом вы тут занимаетесь! Да к тому же любому ясно, кто писал: Ян Достал! Все улики налицо.

Мальчики были озадачены. И верно, кто их похвалит? А если пойдут жаловаться? Вот уж папа порадуетя!

— Видишь? — укоризненно сказал Гонда Олде.

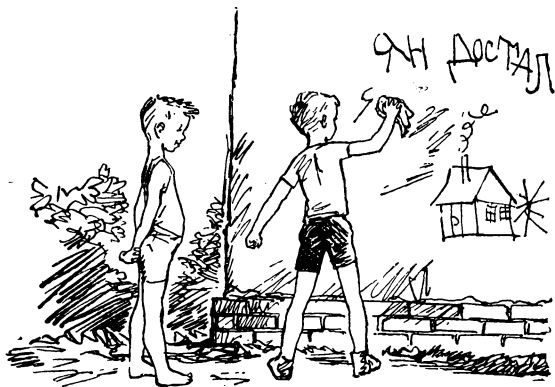
— Что вижу?

— Ты сказал, что этим камнем можно писать на стене.

— Сказать-то сказал, а писал ты!

— А кто начал?

Гонда приуныл.

— Начал я, а посоветовал мне ты.

Дед присел на траву, а мальчики стояли рядом, понутив головы, точно две мокрые курицы.

— Может, вам лучше не ссориться, а? Такие друзья! На всякую болезнь найдётся лекарство, а всякую ошибку можно исправить. Что, если вам попросить у мамы мокрую тряпку и всё стереть?

Гонда готов был расцеловать старика. Вот здорово! Взять тряпку, и дело с концом! Он помчался домой, Олда за ним. Дед сидел ждал, чем кончится дело. А когда они живо всё стёрли и пришли посидеть с ним, усадил обоих на колени и сказал Гонде:

— Ну, честь тебе и слава, ты молодчина! Вот уж и подписываться научился!

— А знаете, сколько у меня пальцев на руке? — похвастался Гонда и сразу сосчитал: — Один, два, три, четыре, пять!

— Пять у тебя? — удивился дед. — А у меня, поди, столько и не наберётся. Сколько же их, собственно, у меня? — Он прижал большой палец к ладони так, что его не было видно. — Сосчитай-ка!

Гонда считал:

— Один, два, три, четыре... Четыре! Почему это у вас только четыре?

— Может, кто украл у меня один палец? — показывал дед головой. — Сосчитай-ка ещё разок! — И протянул Гонде свою морщинистую руку ладонью вверх, так что все пальцы были видны.

Гонда насчитал их пять.

— Что такое? — изумился он. — Сначала четыре, а теперь пять!

— Что за ерунда... Так сколько их, стало быть, у меня? Пересчитай-ка снова! — сказал дед, прижав тем временем большой палец к ладони и повернув руку тыльной стороной вверх.

— Один, два, три, четыре... — медленно считал Гонда. Это его вконец запутало.

— Что за странная рука у меня? — удивлялся дед. — Ежели она ладонью кверху — пять пальцев, а ежели вниз — всего четыре. Что-то невероятное!

Олда, который только молча смотрел, вдруг соскочил с дедова колена, заглянул ему под ладонь и закричал:

— А это что, а это что? А вот этот поджатый палец?

— Ага, вот оно в чём дело. Экий паршивец! — потянул дед за палец. — Прячется! А я уж боялся, не потерял ли его где! — Он встал. — Ну, будьте здоровы, математики! Мне пора.

И ушёл в деревню.

ЩЕГЛЫ КОУДЕЛКОВ

После обеда Гонда снова вышел на улицу. Ветер уже совершенно утих, небо было ясное, свежее, сильнее. Гонда искал Олду и нашёл его — тот забрался на забор сада Коуделков, расположенного чуть в стороне от деревни, по другую сторону шоссе.

Коуделки держали в клетках щеглов. В хорошую погоду их выносили на воздух, в сад. Щеглы скакали по клетке с жёрдочки на жёрдочку, им хотелось на волю, но клетка была крепкой. Над ними был высокий небесный свод, вдали виднелись полосы лесов и холмы. Мимо на свободе летали воробьи, и на щеглов нападала тоска. Они сидели нахохлившиеся, съёжившиеся, тоскуя по свободе.

Олда смотрел на них через прутья забора. Он стоял мрачный, положив голову на руки. Гонда стал рядом с ним и тоже принялся смотреть.

Некоторое время Олда молчал. Потом показал рукой на щеглов:

— Чего этот пан Коуделка не отпускает щеглов? А если бы его кто-нибудь запер в клетке? Я бы, например, его запер.

— Хо, пан Коуделка! — нахмурился Гонда. Он тоже его не любил.

Коуделка был страшный брюзга. Ещё ни разу в жизни Гонда не слышал, чтобы тот от души рассмеялся. Некогда у него была в Подлеси собственная лавка, где он продавал всё, что угодно. Продавал — и обсчитывал людей. На этом выстроил себе дом. Когда позже в его лавке открыли магазин, принадлежащий кооперативу, и ему пришлось идти работать, как и всем остальным, свет ему сделался не мил, он не мог смотреть на людей и почти ни с кем не разговаривал. Злился, видать, на весь мир. Он ездил работать на завод в районный центр и там же, вероятно, продавал щеглов, которых ловил близ Подлеси.

Олда мрачно смотрел на щеглов, сидящих в клетках, а потом вдруг тихо сказал Гонде:

— Давай залезем туда и выпустим щеглов!

Гонда опешил и задумался — ему это дело не понравилось. Залезть туда?

— А что, если пани Коуделкова выйдет? — возразил он.

— Ну и пусть выйдет.

— А если она нас увидит?

— Ну и пусть увидит.

— А если ты будешь возле клетки, а она в этот момент выйдет?

— Убегу.

— Да, убежишь! Всё равно она тебя узнает и нажалуется.

— Ну и пусть нажалуется.

Спокойствие и уверенность Олды удручали Гонду.

— А если она тебя схватит и поколотит?

— Ну и пусть поколотит. Только ей меня не догнать.

Гонда задумался. У этого Олды всё так просто! «Пусть увидит! Пусть нажалуется! Пусть поколотит!» Что он, правда, что ли, ничего не боится?

— Ну, влезь туда, — сказал он Олде. — Не влезешь!

— Влезу!

— Хо, влезешь!

— А почему бы мне не влезть? А ты боишься?

Нужно было решаться. Пани Коуделкова — это пани Коуделкова, всякое может случиться, но стоит ли бояться? А кроме того, неплохо бы помочь щеглам.

Гонда вскипел:

— Я боюсь? Я тоже полезу.

— Ну лезь, лезь! — подзадоривал его Олда.

— Ну и полезу, вот увидишь.

Он уже готов был перелезть через забор, как вдруг послышались чьи-то шаги. Мальчики живо соскочили и в ожидании уселись под забором. Но шаги становились всё тише и наконец совсем смолкли. Кругом ни души.

— Лезь! — подзадоривал Олда Гонду и сам уже полез на забор.

Гонда — за ним. Забор был невысокий, но фундаментальный. Гоп! — и они с шумом соскочили по ту сторону забора.

Притаились за кустом смородины. Не видал и не слышал ли их кто? Некоторое время они выжидали, боясь даже пальцем пошевелить, лица их горели от возбуждения.

— Пошли, — шепнул Олда.

Осторожно, на четвереньках, они ползли по траве, пока не добрались до клеток. Сердца у обоих громко стучали от волнения, словно кто-то в испуге бил молоточками.

— Не бойся, — прошептал Олда, подскочил к первой клетке и отворил дверцу.

Раз так, Гонда подбежал к другой клетке и тоже хотел её отворить, но руки у него дрожали от волнения, и, прежде чем он успел отворить свою клетку, Олда уже разделался с третьей. Щеглы были основательно перепуганы. Они носились, налетая друг на друга, бились крылышками о стенки клетки и испуганно щебетали. Все дверцы настежь — а наружу ни один не вылетел.

Гонда с Олдой уже успели отползти к забору, но ещё не перелезли, а, запыхавшись, смотрели на клетки. Чего же щеглы не вылетают? Глупые! Дверцы открыты, придёт ещё кто-нибудь и снова их заперёт. Вернуться им, что ли? Но в этот миг вылетел первый щегол и перелетел через забор... За ним вылетели второй и третий. Только в той клетке, что отпирал Гонда, щеглы продолжали прыгать с жёрдочки на жёрдочку и не желали вылетать. Гонда уже готов был вернуться, но тут вылетел и его щегол, за ним другой, а потом уж последний, из клетки, которую открывал Олда. Плавно покачиваясь на лету, они один за другим исчезли вдали...

И тут в дверях показалась пани Коуделкова. Она вышла и увидела обоих мальчиков.

— Что вы тут делаете? — напустилась она на них. — Ну, подождите!

Конечно, ни Олда, ни Гонда ждать не собирались. Сердца у них ёкнули. Они быстро вскочили на забор, только треск раздался. Гонда болтал одной ногой в воздухе и, как назло, не мог перелезть. Он уже слышал совсем близко, как сердито кричит пани Коуделкова, и ему казалось, что она вот-вот схватит его за штаны. Ещё миг — он напряг все силы, перевалился через забор и упал по другую сторону животом в траву. Он почувствовал боль, но, не обращая на неё внимания, вскочил и помчался вслед за Олдой, который уже так улепётывал по шоссе, что только пятки сверкали.

Остановились они лишь возле пруда на площади.

Сели рядом, даже слова не в силах вымолвить. А когда наконец отдышались, Гонда мрачно сказал:

— Вот увидишь — теперь нажалуется.

А Олда опять своё:

— Ну и пусть, мне-то что!

— Гм! — произнёс Гонда и повесил нос.

— А щеглы всё равно вылетели, — сказал Олда немного погодя. Лицо его прояснилось. — Все вылетели, ты видел?

— Гм, — только и ответил на это Гонда. — А что ты скажешь, когда она нажалуется?

— Что я могу сказать? Ничего... Гляди! — показал Олда ногу. На ноге у него виднелась длинная царапина, из которой текла кровь. Он размазал её пальцем. — Это я о забор поцарапался, — сказал он, и видно было, что он даже не обращает внимания на эту царапину, что ему совершенно, совершенно не больно.

Странное дело! Когда человек, скажем, упадёт и ни за что ни про что разобьёт коленку, то разревётся от боли. А если он получит рану в каком-нибудь честном бою, такое впечатление, будто ему вообще не больно, он и внимания-то на неё не обращает.

— А я упал на живот. Вот это ударился! — Гонда погладил свой живот.

Они были преисполнены гордости. Течёт из ноги кровь? Отбил себе живот? Не беда! Сражение выиграно, и щеглы летают на свободе...

ПЕРВЫЙ ЧЁРНЫЙ КРУЖОК

Дома, однако, дела обстояли хуже.

Мама рассердилась и всё рассказала отцу, когда он пришёл. Явилась, мол, под их окно пани Коуделкова и кричала: «Смотрите за своими любимчиками! А если не можете с ними справиться, передайте, что наш сад не про их честь! Если я их там ещё раз поймаю, ноги переломаю!» Она, мол, ещё и не то кричала.

Гонда только опустил голову. Плохо дело. Что он может на это сказать? Как оправдаться? Ганка смотрела на него с сочувствием, отец нахмурился.

— Вы там были? Лазили?

Гонда чуть слышно признался:

— Лазили.

— Зачем вы туда лазили? Что тебе, дома слив да яблочек не хватает?

Гонда ещё ниже опустил голову.

— Мы не за сливами, — прошептал он.

— Так что же вас туда понесло?

— Щеглы.

— Что?

Так и так... Гонда нехотя, но честно рассказал всё как было. Он сидел на скамейке возле печки, зажав руки между коленями, и тихо, глядя в пол, рассказывал.

— Гм! — проворчал папа.

Гонда ожидал того, чего и следовало ожидать: бить его папа не станет, он его никогда не бил, просто сердито побранит и перестанет с ним разговаривать, а это хуже всего.

Папа в раздумье молча ходил взад и вперёд.

— Щеглы, значит... — сказал он через минуту. — Ну и что они, вылетели?

Гонда поднял глаза и три раза подряд кивнул головой:

— Вылетели!

— Гм!.. — строго продолжал папа. — Лазить по чужим садам не следует, этого ты делать не должен, и, надеюсь, больше это не повторится. Запомни, чтоб я больше никогда ничего подобного о тебе не слышал... Но коль скоро человек лезет в чужой сад не для того, чтобы вредить или красть..., что ж... А они вправду вылетели? Все?

Гонда встал со скамеечки и протянул руку:

— Все, честное слово!

— Ну хорошо, хорошо... Значит, вам было жаль щеглов? Ну, вы поступили незаконно, но и пану Коуделке закон не давал права ловить щеглов. Так что, собственно, вы квиты. Он их ловил, не имея на это права, а вы их выпустили да ещё забрались в чужой сад, хотя права на это тоже не имели... Ну ладно, упрёки пани Коуделковой мы переживём. А теперь ужинать!

Гонда легко, словно у него камень упал с сердца, вскочил, поужинал и помчался в комнату, там он разделся и нырнул в постель.

Он уже почти засыпал, когда вошла мама и, легонько постучав его по лбу, спросила:

— А кто сегодня не умывался?

Возле неё стоял папа и испытующе смотрел на Гонду.

Гонда лишь вздохнул. Эх! Чёрный кружочек уж тут как тут.

Он побежал умываться и вычистить зубы, а папа тем временем действительно нарисовал в календаре чёрный кружочек.

Гонда с грустью его разглядывал. Он трижды вздохнул, а потом забрался в кровать.

— Спокойной ночи! — крикнул он в сторону кухни.

Потом ещё раз глубоко вздохнул и наконец после всех волнений заснул. Заснул с тяжёлым сердцем, но вместе с тем с чувством исполненного долга. История со щеглами грозила окончиться бурей, но тучи рассеялись, снова проглянуло солнышко. Справедливо папа всё рассудил... Что за папа! Что за па-па...

ЭТО НЕ БЕДА!

«Жаль, жаль, что там чёрный кружочек», — думал Гонда, снова внимательно рассматривая поутру календарь.

— Только ты не думай, — уверял он Ганку, которая собиралась в школу, — что они будут прибавляться! Один, и достаточно!

Он убеждал её, хотя Ганка с ним не спорила и вовсе не возражала. Но, как только он сказал «достаточно», сразу же вспомнил о вчерашней встрече с дедом Хохолином. Он сбегал за карандашом и бумагой, быстро написал «Ян Достал» и понёс листок Ганке:

— Прочитай!

— «Ян Достал», — прочитала Ганка.

А Гонда радостно улыбался во весь рот.

— Мама, посмотри-ка! — Ганка понесла листок маме. — Гонда уже умеет подписываться.

Ганка не верила своим глазам, но мама ничуть не удивилась. Она хитро подмигнула Гонде и сказала:

— Это мы уж давно умеем, правда?

— Ты, стало быть, у нас мастер, — с одобрением сказала Ганка, подхватила его и закружилась с ним по комнате, а Гонда так крепко обнимал её за шею, что даже выдернул у неё из косички бант. Она опустила его на пол: — Мастер! А какая сила!

— А теперь завяжи ей снова ленточку, баловник. — Мама подняла с пола ленту и подала её Гонде.

— Давай! — сказал Гонда.

— Да ладно уж, тебя дождёшься! — Мама сама вплела ленту в косу и подала Ганке портфель: — Беги, не то опоздаешь.

— До свиданья, пан мастер! — протянула Ганка Гонде руку и выбежала.

Гонда умылся, вычистил зубы, оделся, полил мускаты и для большей уверенности подошёл к листку на стене — проверить, не забыл ли он чего. Потом позавтракал.

Мама убирала. Он помогал ей. Носил подушки, когда она стелила постели, качал вместе воду у колодца, вынес золу, когда она затапливала печь, а потом, после того как она подмела, и совок с мусором.

Когда Гонда высыпал мусор в яму за сараем, он увидел в соседнем садике Олду.

— Ты чего делаешь? — спросил его Гонда.

— Ничего.

— Пойдёшь на улицу?

— Мне нельзя, — сказал Олда.

— Почему?

— Мама вчера рассердилась, когда пани Коуделкова нажаловалась.

— Тебя побили? — с участием спросил Гонда.

— Побили... И не велели сегодня выходить на улицу, только в сад.

— Ты ревел?

— Нет... Ну, всё это не беда.

Гонда с удивлением взглянул на него. Стало быть, пани Заицова рассудила не так справедливо, как папа. Олду побили, ему даже не велели выходить на улицу, но он не ревел и для него всё это не беда. Молодчина!

— А я заработал чёрный кружочек, — сказал он, чтобы хоть чем-то утешить Олду.

— Какой чёрный кружочек? — удивился Олда.

— А ты не знаешь?

Гонда всё ему рассказал. Ведь у него с папой такой-то и такой-то договор.

— А ты получил кружок за то, что мы выпустили щеглов?

— Нет, за то, что я не умылся... Ну, это не беда. Больше уж не получу, вот увидишь!

Так они пожаловались друг другу — да, собственно, даже и не пожаловались, и всё-таки им обоим сразу стало легче.

— А завтра пойдёшь на улицу?

— Конечно, пойду.

— Тогда погоним гусей к ручью.

— Ладно. А ты приходи ко мне после обеда, поиграем у нас в саду.

— Приду! — пообещал Гонда и сдержал своё слово.

После обеда он отвязал Лапку, перелез через забор, Лапка протиснулась через дыру — и они втроём играли весь день.

Вечером всё было хорошо. Мама доложила папе, как Гонда себя вёл, Гонда ещё вдобавок похвастался, что он умеет подписываться, и папа нарисовал в календаре третий белый кружочек.

— Один, два, три... — сосчитал Гонда. — А завтра будет четыре!

Но тут он ошибался...

ВТОРОЙ ЧЁРНЫЙ КРУЖОК

То, что предстояло делать с утра, казалось теперь совсем простым.

Гонда уже всё помнил, ему даже не нужно было заглядывать в листок: встать, умыться, вычистить зубы, одеться, полить мускаты... Гонда выучил это наизусть, вроде как ребята повторяют, обрывая при этом лепестки ромашки: «На чём буду ездить? На повозке,

за повозкой, на автомобиле, на самолёте, пешком ходить, по свету бродить... На повозке, за повозкой, на автомобиле, на самолёте, пешком ходить, по свету бродить...»

Но с дневным и вечерним распорядком дела обстояли хуже.

На следующий день утром Гонда сделал всё, что полагается, и принялся за игру. Он вытащил лошадку, трактор, тележку с деревянными кубиками и как будто бы возил маме уголь из города то на тракторе, то на лошади, но тут вдруг возле дома раздался крик:

— Гонда-а-а-а!

Это кричал Олда. Гонда вскочил и помчался на улицу.

— Прибери игрушки, — напомнила ему мама.

— Я сейчас вернусь, — пообещал Гонда... но пришёл только к самому обеду.

Он сел за стол и пообедал вместе с Ганкой. Ганка ему тоже сказала:

— Интересно, кто будет убирать твои игрушки?

— Не беспокойся, пообедаю и уберу, — пообещал Гонда.

Но после обеда Олда снова позвал его, и Гонда, забыв об игрушках, выбежал на улицу.

Позже он ещё раз прибежал к полднику, но только на минутку, и след его простыл. И вернулся, когда уже совсем стемнело.

Что за славный денёк был! Они с Олдой Наверстали упущенное за вчерашний день, когда Олда сидел под домашним арестом и не смел выйти на улицу. Они бродили за гумнами, по самой кромке леса, и Лапка вместе с ними.

К вечеру, набегавшись и устав, они уселись в саду под яблоней. Стояла тишина, спускались сумерки.

На небе, ещё не успевшем потемнеть, над самым горизонтом, сверкала яркая звезда. Снова слышались дрожащие серебристые голоса кузнечиков, в них вплелись хриплые крики фазанов и попискивание куропаток. Над благоухающими лугами возшла огромная оранжевая луна.

Гонда прижался к Лапке, она согревала его, словно печка. Он смотрел на луну и на сверкающую звезду.

— Это папа, — сказал он Олде, показывая на луну, — а это мама, — и показал на яркую звезду.

Олда кивнул:

— А ты где?

Они улеглись на землю и принялись высматривать новые звёздочки.

— Я уже вижу одну! — показал Олда пальцем. —
Смотри, это ты!

Там мерцала, подмигивая, крошечная, еле заметная звезда и дрожала, словно от холода. По мере того как небо темнело, звёзд становилось всё больше. Вторая! И третья! И четвёртая, и пятая, и шестая... А потом, мало-помалу, зажглось столько звёзд, что они уж не поспевали их считать.

Небо потемнело, и звёзды высыпали роем.

Подул ветерок и шевельнул листья на яблоне. Они заволновались, сверкая и шелестя, словно на яблоню дождём посыпались с высоты серебряные дукаты.

Тёмная тень промелькнула над мальчиками — будто чёрный листок пронёсся неслышно и опустился где-то в глубине сада. И снова тишина. И неожиданно в этой тишине, словно вдруг кто-то жалобно заплакал, раздалось: «Гуууу, гуууу!»

Гонда прижался к Олде:

— Ты слышал?

— Что?

— Тут кто-то плачет.

— Где?

— Послушай!

Затаив дыхание, они прислушались. И снова раздалось — негромко и жалобно: «Гуууу, гуууу!»

— Что это? — прошептал Олда.

— Не знаю, — ответил Гонда, широко раскрыв глаза. Он встал и огляделся. — Ну и темень! Пошли домой!

Олда вскочил и побежал, Гонда бросился за ним и опередил его. Ему не хотелось оставаться позади. В третий раз донеслось им вслед таинственное «гуууу, гуууу». Потом кто-то охнул и забормотал, Лапка с подвыванием залаяла, и Гонду обуял

страх. «Это» уже рядом с ними, уже догоняет, хватается их!

Гонда прыгнул к сараю и прижался к стене. От страха у него все поджилки тряслись, ноги подкашивались, сердце колотилось, он шумно дышал... И вот в темноте меж деревьев мелькнула чёрная тень, затопала, засопела и направилась к Гонде. Гонда лишь взвизгнул и спрятал голову в колени, точно страус...

«Это» подскочило к нему слева и справа. Слева его повалили, справа лизнули в лицо. Ужас! Он упал, но внезапно открыл глаза, всё понял и с облегчением перевёл дух.

Слева оказался Олда, справа — Лапка.

Они лежали на земле, Лапка стояла над ними и обнюхивала их. Дивилась, видать, чем это они занимаются, во что играют.

— Чего ты меня толкаешь? — с упрёком обратился Гонда к Олде, вытирая облизанное Лапкой лицо. — Да отстань ты! — крикнул он собаке, которая снова хотела его лизнуть.

— Ничего я не толкал, я просто хотел схватить, — объяснил Олда.

— А что с тобой там случилось?.. — показал Гонда в темноту, в сторону деревьев.

— Лапка завертелась у меня под ногами, я и свалился.

Насколько они минуту назад были напуганы, настолько им теперь стало смешно, но вдруг они умолкли. В четвёртый раз послышалось: «Гуууу, гуууу!»

— Пошли, — оборвал смех Гонда.

Они выбежали из сада и помчались через двор по домам.

Гонда вбежал в кухню, не постучав, не поздоровавшись.

— Папа, там на улице кто-то плачет!

Отец распахнул настежь окно. И снова донеслось: «Гуууу, гуууу!»

— Слышите? — заикаясь, проговорил Гонда.

— Сыч, — спокойно ответил отец. — Это он не плачет, а, должно быть, зовёт тебя: «Иди к домууу, иди к домууу!..» А впрочем, может, и плачет — ему обидно, что ты нынче заработал второй чёрный кружочек...

— Как так? Почему? — удивился Гонда.

— Чья это лошадка? Тележка? Трактор? И деревянные кубики? Мы специально оставили до твоего прихода эту выставку беспорядка...

Гонда только тяжело вздохнул. Пошёл, взял все свои игрушки и отнёс их в ящик, стоящий в передней. «Что же ты их не убрала?» — хотел он было упрекнуть Ганку, да понял, что ему это не помогло бы. Ведь в договоре сказано, что всё должен убрать он сам, а не Ганка.

Умываясь после ужина, Гонда предавался бесплодным раздумьям. Мог сын об этом знать? Или папа всё это просто выдумал? Кто знает!

Так или эдак, сын или не сын, знал или не знал, а с календаря мрачно поглядывал второй чёрный кружок.

А ЗАТЕМ СЕМЬ БЕЛЫХ, СЛОВНО ЦВЕТЫ ПОПОВНИКА

Что случилось, то случилось, назад уже ничего не вернёшь. Три белых, два чёрных — скверно, но что поделаешь? Хоть тут головой об стену бейся, разве что изменится?

Другой в подобной ситуации, может, и потерял бы мужество, сдался без боя. Ну, а Гонда?

Трижды в день подходил он к листку, висевшему на стене. Он знал на память не только то, что полагалось сделать утром — встать, умыться, вычистить зубы, одеться, полить мускаты, — мог повторить наизусть и дальше: помочь маме, убрать игрушки. А вечер? Это утро, только наоборот: самому раздеться, всё сложить на своё место, умыться, вычистить зубы — и марш в кровать! В календаре тогда не может появиться ничего иного, кроме белого улыбающегося кружочка.

Он старался изо всех сил. Всю неделю погода стояла неустойчивая, низко над землёй тянулись дождевые тучи, ветер гнал их и свистел в трубе, утра были мгlistые, темнело рано, некогда было даже погулять как следует на улице. Гонда боролся, боролся упрямо и настойчиво...

Не успела ещё одна неделя сменить другую, а на календарь уж было любо-дорого смотреть: семь белых кружков, словно семь белых цветов поповника, словно семь бусинок, нанизанных на нитку. А всего уж, стало быть, десять белых кружочков. Гонда громко и чётко их пересчитывал.

— Сколько дней мне ещё осталось? — спросил он маму.

— Семнадцать, — сосчитала мама.

— А сколько это?

— Десять и пять, а потом уж только два.

— Десять, — показал Гонда пальцы на обеих руках, — и ещё пять, — показал он пальцы на одной руке, — и ещё два — и уже конец сентября?

— Совершенно правильно.

— Ну, так это пустяки. Это я выиграю. А сколько у меня тогда будет белых кружочков?

— Двадцать семь белых, два чёрных.

— А сколько это двадцать семь?

— Пять и пять, и ещё раз пять и пять, и ещё раз пять, а к этому два.

— Ну и много же их будет!

— Будет-то будет, — согласилась мама, — но ведь их ещё нет, тебе ещё для этого придётся потрудиться.

Придётся, придётся. Время движется медленно, что верно то верно. Говорить-то легко, а вот делать-то посложнее — уж очень не скоро прибавляются кружочки. Хоть бы уж этот сентябрь досентябрился!

МЕДЛЕННО ДВИЖЕТСЯ ВРЕМЯ

Время хоть и медленно, но всё-таки движется — словно вода в ручье или осенняя паутина, которую тихонько несёт ветром. День за днём отцветает и распускается вновь, словно цветы на лугах с весны до осени. Каждый новый цветок чем-то отличен от предыдущего и чем-то лучше его. Один пахнет больше, другой меньше. Петушиные гребешки — красные, поповник — белый, ноготки — будто солнышко, а незабудки — сестрёнки голубого неба. Захочешь выбрать — и не выберешь. Думай не думай — ума не приложишь...

Бывает день — ты мучаешься, зато следующий благоухает, точно розочка. В один день проигрываешь, в другой выиграешь. Когда ты их так переберёшь в уме — как выбрать? Быть может, ты выберешь именно тот день, когда ты проиграл, когда тебя что-то тяготило и мучило, но ты не позволил положить себя на лопатки, боролся и преодолел всё. Именно такой день оставляет самые лучшие воспоминания, именно о таком дне не забудешь.

Ещё шесть дней, шесть дней с новыми белыми

кружочками завоевал Гонда. Шесть новых белых кружочков, словно ещё шесть цветов поповника выросло у него в календаре, но ни в один из этих дней Гонда не был так счастлив, как в те два, что уже стучались у дверей.

ЗВЕНО ОТПРАВЛЯЕТСЯ ЗА ШИПОВНИКОМ

Сентябрь медленно шёл на убыль.

В деревне уже урчали трактора, таща за собой возы, полные картофеля. С полей тянуло запахом земли. Высоко над Подлеси кружилась стая голубей. Видно, голуби никак не могли насытиться осенним солнцем.

Небеса, летом такие синие, поблёкли, словно бы затуманились. И весь край стоял такой притихший, затуманившийся, словно укутанный в платочек, сотканный из голубоватых паров. Уже чувствовалось дыхание осени.

На лесных склонах за долиной виднелись желтоватые островки. Между елями и пихтами золотилась листва берёз. На кустах вдоль полевых дорог синел терновник и краснел шиповник.

Во фруктовом саду за Подлеси снимали зимние фрукты.

В этот день третьеклассники получили задание — выйти в поле, чтобы собрать шиповник кто сколько сможет.

Перед домом Досталов собралось всё Ганкино звено. Ганка, Фанда, Лойза, Зденка и Милена. Они принесли с собой бумажные пакетики для шиповника. Советовались, куда бы за ним пойти, чтоб их звено набрало больше всех. Они уже собрались уходить, как выбежал Гонда.

— Куда вы идёте? — закричал он.
— За шиповником.
— Я пойду с вами!
— Оставайся дома, — крикнула Ганка. — Мы торопимся, а тебе ещё надо одеваться.
— Я скоро, подождите! — просил Гонда.
У Ганки от забот голова шла кругом, и ей не хотелось задерживаться.
— Оставайся. А то ещё уколешься, разревёшься и удержишь нас.

И они ушли.

— Что? — кричал им вслед Гонда. — Бойтесь — разревусь?

Но они уже двинулись в путь и даже не обернулись.

— Ну и ладно, вы... — Это раздосадовало и огорчило Гонду. — Идите! — кричал он, сдерживая слёзы. — Идите, вы... вы!..

Ему страшно хотелось бросить им вслед какое-то жёсткое, страшное слово, но, как назло, ничего подходящего в голову не шло. И, прежде чем он успел что-нибудь придумать, ребята скрылись из виду.

Гонда вернулся домой, попросил у мамы пакет и выбежал на улицу. Он намеревался было припустить-ся за ребятами следом, хотя бы они того или не хотят, но не знал, куда они пошли!

Тогда он переменил своё решение. Почему он должен идти за ними? Не хотят — и не надо.

Он вернулся во двор, обнял за шею Лапку и отвязал её. Лапка на радостях лизала ему лицо, бегала вокруг, ожидая, куда они пойдут. Гонда направился не в ту сторону, куда ушло звено, а к маленькому леску в полях, где они накануне были с Олдой и где полным-полно шиповника...

Лапка преданно следовала за ним. Она бежала то впереди, то сзади, то прыгала ему на плечи.

— Обожди ты! — ворчал Гонда. — Смотри-ка, зайка!

ПОБЕДИТЕЛЬ ШИПОВНИКА

В лесочке действительно было полным-полно шиповника. Сколько тут его можно нарвать!

Гонда принялся рвать шиповник. Лапка уселась и смотрела на него. Гм... он думал, дело пойдёт быстрее, что правда то правда. Количество шиповника увеличивалось очень и очень медленно. Он рвал уже довольно долго, а заглянув в пакет, увидел, что еле-еле прикрыто дно... И нелёгкая это работа, нет. Колючие веточки словно крючки. То и дело цепляются за рукав. Отцепишь рукав — хватают за рубашку, отцепишь рубашку — хватают за штаны. Надоедливые, как мухи! Нагнуться и то как следует не можешь, так и цепляются. Пусти! Но, пожалуй, проси веточку, чтоб она отпустила! Вечно приходится освобождаться самому. Попробуй после этого быстро набрать шиповник!

Ну и пусть. Гонда был полон непреклонной решимости. Он наморщил от усердия лицо, высунул кончик языка. Цепляются колючки — не беда, он должен нарвать столько, сколько Ганка. Пусть они увидят!..

Вдруг в кустах что-то громко захрустело. Лапка залаяла, Гонда испугался и уронил пакет с шиповником на землю... Из зарослей выскочил заяц, и Лапка кинулась за ним, но догнать его... какое там! Далеко в полях заяц остановился. Запыхавшаяся Лапка тем временем возвращалась обратно. Заяц встал на задние лапки, как бы насмехаясь над ними: «Ну что,

испугались? Вот так напугал я вас! Вы бы не прочь поймать меня? Где уж вам!»

Гонда перевёл дух, но, взглянув на землю, огорчился. Пакет лопнул, и шиповник рассыпался... Что теперь делать? Куда девать шиповник? Во что он будет собирать? Вот уж не везёт, так не везёт!

— Я бы этого зайца... — жалобно сетовал Гонда.

Потом вдруг брови у него полезли вверх... Идея! Он неторопливо подобрал весь шиповник — и сложил его за пазуху.

Потом продолжал рвать дальше, и дела его шли

неплохо, как вдруг он зашипел от боли. Он расцарапал о колючку руку от локтя до самой кисти! На руке выступили капли крови. Он побледнел, и его желание рвать дальше вот-вот готово было исчезнуть, словно вода в песке. Скверная это работа. И чего только он за неё взялся? Он сидел, осматривал руку, и ему хотелось плакать. Плакать? Говорила же Ганка, что он разревётся... Он поднялся. Стиснул зубы. Плакать? Не дождётесь! Куда это годится — вернуться домой с плачем! Он продолжал рвать шиповник, и рука, казалось, не так уж болела.

Через минуту всё подсохло.

— Вот, видишь, — сказал он Лапке.

Лапка завиляла хвостом, как бы говоря: «Ты уж не сдавайся, поднажми!»

Он рвал и рвал, у него уже ломило тело. Это не так-то просто то и дело тянуться вверх да в стороны, подтягивать к себе веточки, подниматься на цыпочки, одной рукой придерживать, другой рвать, но он не ударил в грязь лицом. И когда он смотрел на рубашку, то видел, как она натягивается от шиповника, и он продолжал рвать с ещё большим усердием.

Он всё рвал и рвал, до самого захода солнца.

Уже совсем в сумерках, когда почти стемнело, он добрался с верной Лапкой до дому. Уставший, с грязными руками и лицом, но гордый, довольный. На руке запеклась кровь, рубашка так раздулась, что он вынужден был придерживать её обеими руками, чтобы шиповник не рассыпался.

Он вошёл в кухню и остановился. Мама прямо испугалась. А Ганка удивилась.

— На кого ты похож? Где ты был? Что ты делал?

Гонда промолчал.

— Покажи, — обратился он к Ганке, — сколько ты нарвала шиповника.

Ганка показала. Полный пакет, целый килограмм, а может, даже чуть больше.

— Подумаешь! — пренебрежительно сказал Гонда.

Он опустился на колени, расстегнул рубашку и высыпал на пол весь шиповник, который он нарвал. Получилась солидная кучка, гораздо больше, чем у Ганки. Пусть на его руке запеклась кровь, а ладони и лицо в грязи, зато, когда взвесили его шиповник, оказалось, что он нарвал вдвое больше Ганки, ровно два килограмма.

— Ну что? — с довольным видом спросил Гонда, расставив, словно богатырь, ноги над кучкой шиповника.

Ганка действительно удивилась.

— И всё это ты нарвал один, совсем один?

— Смотри, — сказал Гонда и без долгих разговоров показал расцарапанные и перемазанные руки.

— Олда тебе не помогал?

— Пф! — фыркнул Гонда и гордо переступил с ноги на ногу, что должно было означать: «Как это тебе пришло в голову?»

— И ты не ревел?

— Пф! — снова фыркнул Гонда.

— Скажи — честное слово!

— Честное слово!

Гонда протянул руку, но Ганка даже не пожала её. Она уж и так ему поверила. Она опустилась на колени и стала перебирать его шиповник. Сколько его! Она-то знает, что это такое, столько нарвать: ведь она и сама рвала его. Ганка посмотрела на Гонду с искренним восторгом.

— Молодчина! — сказала она и, стоя на коленях возле шиповника, обняла его за шею и поцеловала.

— Пф! — фыркнул Гонда в третий раз, похоже было, что это пар вырывается из-под крышки, где клокочет кипящая вода...

Гонда был доволен невероятно, всё в нём ликовало, — ведь он доказал Ганке, чего он стоит, и она сама это признаёт.

Гонда подошёл к маме, которая любовалась им.

— Где папа? — спросил он.

— У него сегодня собрание, — ответила мама, посадила его к себе на колени и осмотрела лицо, шею, руки.

— Ну, и вид у тебя! — удивилась она.

Но Гонда был так рад, что даже бровью не повёл, когда мама приготовила ему тазик, чтобы он как следует вымылся, и промыла перекисью все царапины на его руках. Немного, совсем немножко пощипывало, но он даже не пикнул. Нельзя же опозориться теперь, именно теперь!

— А для кого ты, собственно, нарвал шиповник? — спросила мама.

— Ну, для... — Гонда лишь на какое-то мгновение растерялся, — для Ганки, раз у неё так мало! — и довольный рассмеялся.

Положим, у Ганки было не так-то мало. Она нарвала столько же, сколько и остальные ребята. Если бы все ребята третьего класса нарывали в этот день столько, сколько Ганка, получилось бы почти сорок килограммов шиповника, а это ведь немало. Но Гонда отличился. Столько, сколько он, не нарывал никто.

После ужина Гонда собрал все объедки в Лапкину миску и поставил её под печку. Пусть Лапка наестся до отвала, она этого заслуживает. Без неё, как знать, пробыл бы Гонда в леске так долго или нет.

— На, — дал он собаке еду, погладил и почесал ей за ушами.

Потом вдруг вскочил:

— А какой я кружок сегодня получу?

— Белый. Ну конечно, белый! — сказала мама. — Я сама тебе его нарисую.

И правда, она сейчас же пошла и нарисовала в его календаре одиннадцатый белый кружочек.

Только теперь Гонда разделся, нырнул в кровать и через минуту спал как убитый. Усталость взяла своё. Он немало потрудился за сегодняшний день.

Знай он, что его ожидает завтра, он наверняка ещё долго бы не уснул!

ИЗВЕСТИЕ ИЗ ШКОЛЫ

На следующий день Ганка сдала в школу свыше трёх килограммов шиповника. Больше всех в классе. И честно призналась, что ей в этом помог Гонда, брат. Ему всего пять лет, а он один нарывал два килограмма шиповника, больше любого в классе.

Учительница была удивлена.

— Выходит, брат у тебя молодчина, — сказала она. — Помог вашему звену одержать победу. Передай, что мы его благодарим и шлём привет. А знаешь что? Пусть-ка он придёт как-нибудь к нам. Возьми его с собой в школу, мы на него посмотрим и поблагодарим лично.

Когда Ганка в полдень вернулась из школы, Гонда играл с Олдой во дворе. Ганка позвала его. Оба мальчика подбежали.

— Что?

— Знаешь, что случилось? Наша учительница просила передать, что ты молодчина, весь класс тебя благодарит за шиповник и шлёт привет. И что ты можешь прийти со мной, чтобы посмотреть на наш класс и показаться учительнице.

Гонда от волнения шмыгнул носом. Потом почесал щёку и еле выдавил из себя:

— Что?

Ганка, видя, что он ей вроде бы не верит, снова повторила всё сначала.

Гонда глотнул воздух и залился румянцем до самых ушей.

— Что? — спросил он снова. — Мне нужно прийти в школу?

— Да.

— Не ври! Скажи — честное слово!

— Честное слово, клянусь!

Гонда вскочил и подтолкнул Олду:

— Слыхал?

Олда тоже не хотел верить своим ушам, но Гонда, не дожидаясь от него ответа, помчался в кухню, потом в комнату, но там никого не было. Он подскочил к окну и выглянул на улицу. И там пусто. Тогда он выбежал во двор.

— Где мама? — спросил он и побежал по дворнику. — Мама! Мама! Мама, ты где?

Он нашёл её в сарае, она щепала лучину. Гонда, запыхавшись, быстрее ветра ворвался туда.

— Мама, знаешь, что случилось? Пойдём скорей!

Напрасно мама сопротивлялась.

— Да обожди ты, сорванец! — Она видела, случилось что-то хорошее, потому что Гонда сиял, глаза у него блестели.

Он тянул её за руку на улицу.

Мама вышла следом за ним из сарая:

— Ну, в чём дело?

— Мне нужно прийти в школу, клянусь, честное слово, вот моя рука. Пойдём скорей! — и потащил её в кухню. — Ганка, Ганка, — кричал он уже из передней, — скажи, что это правда!

— Что? — спросила Ганка.

— Что я должен прийти в школу, скажи!

— Правда, — кивнула Ганка.

— Видишь, мама, видишь!.. — смеялся Гонда и скакал на одной ноге. — Видите, видите!..

Ганка тем временем всё рассказала маме, и мама подала Гонде руку со словами:

— Тебя следует поздравить с успехом!

Гонда вскочил, мама схватила его в объятия, и они, счастливые, расцеловались.

ТРЕТИЙ ЧЁРНЫЙ КРУЖОЧЕК

— Что я вам говорил? Я вам всё время это говорил! — Гонда продолжил вечером разговор с папой, когда тот вернулся с работы. Он бегал при этом от папы к Ганке, от Ганки — к маме, потом снова к папе. — Я мог бы ходить в школу, как вы, — говорил он

Ганке. — Я выполнял бы задания! А вы мне вечно не верите... — говорил он папе и маме. — Подождите, как начну туда ходить по-настоящему, вот увидите!

И был так возбуждён всем этим, что, раздеваясь, совершенно забыл о договоре и о своих обязательствах. Один ботинок оставил у печки, другой — под стулом, рубашку — на стуле, а штаны — на полу возле кровати.

Он уже спокойно лежал, когда вошёл папа и показал ему ботинок:

— Чей это? А где второй?

Гонда смутился и покраснел. Потом папа взглянул на штаны, лежащие на полу, указал на них и спросил:

— А где же рубашка?

Он видел, что Гонда удручён. Погладил его, присел к нему и сказал:

— Вот видите, видите, пан лев! Самое трудное в том и заключается, чтобы за одним делом не забыть о другом. Получите сегодня чёрный кружок, и это в такой знаменательный для вас день, но что поделаешь? До конца сентября осталось не так уж много. Держитесь! Три кружка ещё куда ни шло. Для начала это неплохо, но четвёртый — будет стыдно... Сложите всё на место и как следует выпитесь к завтрашнему дню. Вечером мне расскажете...

Так Гонда заработал третий чёрный кружок.

ВОРОТА ШКОЛЫ ОТКРЫВАЮТСЯ...

Утром Гонда первый был на ногах и будил Ганку:

— Вставай, не то проспишь!

Первый оделся, умылся, позавтракал и потянул Ганку за руку:

— Пойдём же, а то опоздаем.

Потом они вместе пошли в школу.

На холме между Подлеси и Липником они остановились.

— Вон там, — показал Гонда Ганке, — вон в этом леске я нарвал шиповник. Сколько его там! Вот бы вам туда пойти!

Они сбегали к Липнику. Верхушки тополей, стоящих возле пруда на площади, не казались уже такими неподвижными, как в тот раз, когда Гонда был здесь один. При каждом дуновении ветра они покачивались из стороны в сторону, как бы приветствуя Гонду.

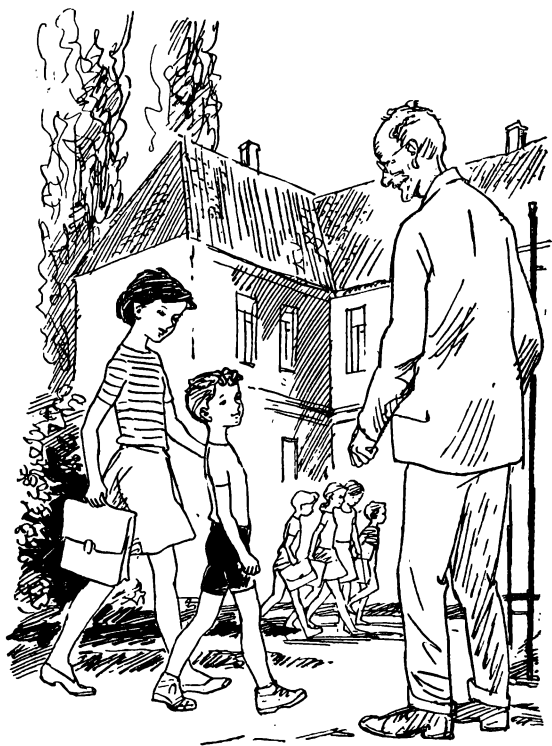
У ворот школьного сада уже собралось несколько ребят, но было рано, и ворота ещё не отпирали. Гонда смотрел сквозь решётчатую ограду на школу, большую, внушительную, как всегда, но сегодня она не казалась ему такой задумчивой и величественной, как обычно. Когда в её окнах отражалось голубое небо с лохматыми тучами, гонимыми ветром, Гонде казалось, что она улыбается ему большими голубыми глазами и приветливо кивает:

«Ага, так это тот самый Гонда! Кто бы мог подумать? Ты мне нравишься, подойди ко мне поближе! Как знать, быть может, ты просто по ошибке ещё не ходишь к нам!»

Потом появился школьный сторож, пан Пинкава, отворил калитку и заметил Гонду.

— Куда это ты собрался? — спросил он у него.

— В школу, — ответил Гонда, не моргнув глазом, но сердце у него всё-таки чуточку ёкнуло. Что, если пан Пинкава не захочет его впустить? Поэтому он тут же добавил: — Понимаете, я должен прийти в школу. Так сказала товарищ Паткова... Ведь сказала, правда, Ганка? — И застыл в ожидании, не

будучи уверенным, достаточно ли этого для пана Пинкавы. Ведь всякому известно, что он не пускает в школу кого попало.

— Гм! — произнёс пан Пинкава. — Раз так, всё в порядке. — Он настежь распахнул калитку. — Обождите, обождите, — задержал он стайку ребят, ринувшихся к школе. — Сначала впустим гостя! — и пропустил Гонду первым.

И вот вместе с Ганкой, Лойзой и Фандой, которые тоже тем временем появились, Гонда торжественно вошёл в школу.

В КЛАССЕ ПЕРЕД ЗВОНКОМ

Они прошли по коридору, потом поднялись по лестнице, и Гонда чуть ли не на цыпочках переступил через порог третьего класса. Здесь пахло как-то особенно, совсем не так, как дома. В классе было тихо, пусто. Они пришли первыми, но вскоре начали собираться другие ребята, и они сразу же подбегали к Гонде.

Гонде было неприятно, что все толпились вокруг и пристально разглядывали его. Он потянул Ганку за рукав и попросил показать ему, что висит у них на задней стене. Там были какие-то таблицы со множеством квадратиков. Что это такое?

Ганка объяснила, что на семи таблицах с квадратами написаны имена всех учеников класса. Они разбиты на семь звеньев, соревнующихся между собой. В квадратах подле каждого имени отмечают, как кто учит уроки, какие получает отметки по чтению, арифметике, грамматике, сколько собрал шиповника, насколько он аккуратен, и так далее. В каждом звене свой вожатый.

— Видишь, — показывала она, — в нашем звене Фанда Кротил, Лойза Пешоут, Милена Новая, Зденка Климова и я.

— А что она у нас звеньевая, молчит, не похвастается, — подтолкнул Гонду локтем Фанда, стоявший позади него. — Не смущайся! — сказал он Ганке.

— Да? — удивился Гонда и спросил у Ганки: — Это правда?

Ганка кивнула и продолжала, указывая рукой на квадратики:

— Смотри, вот здесь отмечают, кто сколько принёс шиповника. За каждый килограмм — один квадратик. — Она показала ему ряд, где стояло её имя, а возле него три красных квадратика и маленький кусочек четвёртого.

— Собственно, эти два твои, за те два кило, что ты нарвал.

Гонда только глубже задышал и прижал голову к плечу. Ишь ты! И его отметили на этой таблице! Он спросил:

— А у Фанды сколько?

— Полтора, — показал Фанда на свой ряд и свои квадратики. — Пока! — Он поднял палец. — И запомни: у меня квадратики дойдут до самого края, это так же верно, как то, что я зовусь Фандой. Теперь поднажмём, а через недельку приходи взглянуть!

Гонда любил Фанду. Это был парень что искра. Худой, но на редкость подвижный. Ничто не составляло для него трудностей, любая работа была ему по плечу, и он не мешкая брался за дело. Пока другие раздумывали, он быстро принимал решение. Когда, скажем, они собирались за шиповником и держали совет, куда направиться, Фанда вмешался в разговор: «Ну что вы столько спорите? Вагон шиповни-

ка вам всё равно не нарвать, он и не поместится в наши пакетики, так в чём же дело? Если будем рвать на совесть, везде его хватит. Ну — и пошли!» Дошли до первой межи. Пока остальные прикидывали, откуда начать, Фанда уже рвал шиповник, и в результате у него оказалось вдвое больше, чем у других.

А вот Лойза Пешоут, грузный, словно медведь, паренёк с загоревшими щеками, напоминавшими две золотисто подрумяненные сдобные булочки, всегда был полон самых лучших намерений сделать всё добросовестно, но кто знает, в чём тут была загвоздка, — это ему не удавалось. Кто знает? Обычно бывало так. Шли они, скажем, за тем же самым шиповником, и Лойза намеревался нарвать больше всех. Он принимался за дело и честно рвал. Потом на минутку присаживался — ведь времени до вечера достаточно и всё равно у него уже, наверное, больше всех. Потом снова начинал рвать и вспугивал какую-нибудь птицу. Что же это за птица? Он смотрел ей вслед и потом снова усаживался. Шиповник не убежит, ног у него нет... Потом Лойза продолжал рвать, но тут ему вдруг приходило в голову, что неплохо бы пойти посмотреть, сколько нарвали другие. Он шёл, обходил всех, смотрел, а время не ждало... И, когда они возвращались домой, у него оказывалось меньше всех. Кто знает, в чём тут была загвоздка... И так каждый раз.

— А сколько у Лойзы? — спросил Гонда.

У Лойзы в таблице была всего-навсего половина красного квадрата — он нарвал только полкило шиповника. У Милены был один с четвертью, а у Здены — один квадратик.

— Выходит, у тебя больше всех? — спросил Гонда Ганку.

— Благодаря тебе!

В это время в класс вошла учительница. Ребята, толпящиеся возле таблиц, даже не заметили её. Они водили по таблицам пальцами, показывая, у кого сколько квадратиков, и учительница неслышно приблизилась к ним. Гонда как раз протянул палец к одному имени, возле которого были пустые квадратики.

— А это вот кто? Почему у него ничего нет?

— Это Маня Двóржакова, — объяснял Фанда Кротил. — Её уже пять дней нет в школе, болеет...

— Так почему... — хотел что-то сказать Гонда, но, обернувшись, заметил учительницу. Он сконфузился и прижался к Ганке.

Учительница улыбнулась и протянула ему руку:

— Так ты и есть тот самый Гонда? Приветствую тебя в нашем классе, богатырь!

Гонда несмело подал ей руку, не зная, что делать дальше. Он поклонился и прошептал:

— Добрый день!

Только он это сказал, как прозвенел звонок, и все ребята сразу же разбежались по партам, каждый на своё место. Не успел он сосчитать до пяти, как в классе воцарилась мёртвая тишина. Гонда остался один с учительницей. Она стояла перед ним, не молодая и не старая, просто одетая, тёмноволосая, с красивыми глазами, совсем как мама. Гонда даже заморгал от удивления. Она оглядывала класс, а Гонда смотрел на неё... Вот, стало быть, кого ребята так часто и с любовью вспоминают. Учительница снова обернулась к нему.

— Ну, так что? — спросила она. — Куда бы тебе сесть? Лучше всего рядом с Ганкой, правда? — Она так нежно, так сердечно погладила его, взволнованного и смущённого, по волосам, как это умела делать действительно только мама.

Она подвела его к парте, где сидела Ганка. Гонда уселся, а учительница направилась к своему столу.

В КЛАССЕ ПОСЛЕ ЗВОНКА

В классе было тихо-тихо. И тут со второй парты поднялась смуглая, незнакомая Гонде девочка.

— Это Ружа Блáгова, — шепнула Ганка Гонде, — наша староста...

Ружа отрапортовала:

— Отсутствует одна Маня Дворжакова.

Учительница что-то пометила в книге с чёрной обложкой, а Ружа продолжала (Гонда даже вздрогнул от неожиданности):

— И к нам сегодня пришёл Гонда Достал. Приветствуем его в нашем классе. Он помог звену Ганки Досталовой собирать шиповник. Ему всего пять лет, а он за полдня нарвал два кило шиповника.

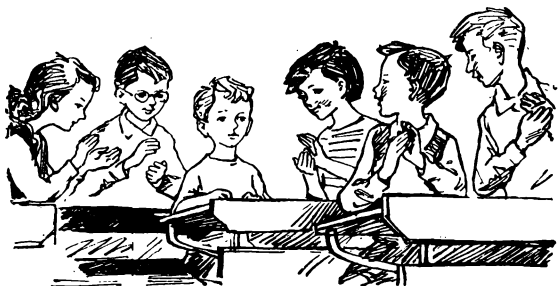
— Обожди, — наклонился к нему Фанда Кротил, сидевший за партой позади них, и прошептал, ухмыляясь: — Я тебе покажу, кто нарвёт больше!

Ружа продолжала:

— Поэтому мы пригласили его к нам в класс. — Она повернулась к Гонде, и весь класс уставился на него: — Благодарим его за этот шиповник и... хотим, чтоб ему здесь у нас понравилось!

Весь класс захлопал в ладоши, а Гонда прижался к Ганке, словно испуганный цыплёнок к наседке. С одной стороны, он чувствовал себя чудесно, с другой — ему было ужасно боязно. Его охватило тёплое чувство гордости и в то же время тревожной застенчивости.

Все смотрели на него и хлопали, а он не знал, куда девать руки, куда спрятать глаза. Весь сжался,

залился румянцем до ушей. Нос у него морщился, словно у кролика.

Потом поднялась учительница.

— Хорошо сказала Руженка. Мы тебя уважаем, Еничек, любим и благодарим. Ты ещё не ходишь в школу, а с тебя могут брать пример даже школьники. Можешь этим гордиться. Ты радуешь папу и маму. Вот такие ребята, хорошие работники и отважные бойцы, нам нужны... А теперь мы споём тебе песню, которую ты больше всего любишь. Ну, какую?

У Гонды сорвалось с языка первое, что пришло в голову:

— «Замок на горе».

Ребята дружно запели ему песню о замке со словами, которые ему особенно нравились: «... Но, коль надо мне с врагом сразиться, саблюю своей я буду биться!»

А потом начались занятия.

Ещё раз в течение этого часа Гонда получил слово. Речь шла об осени, говорили о том, что сейчас

делается на полях и на заводах, что созревает в садах и в лесах, и вдруг учительница сказала:

— У нас тут сегодня присутствует специалист, он обязательно нам на это ответит... — и указала на Гонду.

Гонда встал, как это делали остальные, лишь на мгновение задумался, а потом начал:

— В лесочке полно спелого шиповника и терновника, а за деревней — рябины. В лесу растут грибы, а мы вот тут с Олдой нашли вот такой гриб... А в саду — спелые косточки, — он запнулся, — то есть сливы...

Он быстро сел, и ему стало ужасно досадно, что он немного напутал. Но учительница всё равно его похвалила.

Потом ребята рисовали в тетрадях шиповник, терновник, яблоки, груши, грибы, свёклу, картошку и многое другое и читали какую-то книгу. Гонда слушал с упоением. «Вот видите, — думал он про себя, — и я мог бы ходить в школу. Я всё это тоже знаю и нарисовать сумел бы...» Но вскоре ему пришлось отказаться от своих рассуждений. Это произошло после переменки, когда началась арифметика.

Ребята наперегонки считали в уме, решали примеры из учебника арифметики, а потом вели на доске и в тетрадях такие сложные вычисления, что у Гонды от всего этого голова пошла кругом.

«Какое там, какое там, — ошеломлённо твердил он про себя. — Вот это... это... Какое там... это бы я не смог, этому бы я никогда не научился!»

Он сидел притихший, зажав руки меж колен, широко открыв глаза и с душой, ушедшей в самые пятки.

Неужели этому можно научиться в школе? Дивное!

НА БОЛЬШОЙ ПЕРЕМЕНЕ

И снова прозвенел звонок. Арифметика кончилась, настала большая перемена. Учительница ушла в учительскую. Ребята завтракали. Ганка повела Гонду по коридору, где было полным-полно ребят. Они вместе рассматривали картины и большую стенгазету возле лестницы.

Стенгазета Гонду заинтересовала. На большом листе был нарисован мальчик с ранцем за плечами, как бы идущий в школу, а ещё там были нарисованы: книжка, цветок, груша и яблоко, самолёт, мяч и гитара.

— Что это? Прочитай мне, — попросил Гонда Ганку.

Ганка прочитала ему, что было написано на плакате:

— «Желаем успехов в новом учебном году! Записывайся к нам в интересные кружки: читательский, вокальный, спортивный, естествоиспытания, садоводства, технический».

— Да, — проворчал Гонда, — «записывайся»! Я бы записался...

В стенгазете были и другие сообщения, такие как например:

«Кто сколько собрал шиповника?

1-й класс — 17 кг, 2-й класс — 21 кг, 3-й класс — 34 кг, 4-й класс — 31 кг, 5-й класс — 38 кг».

— У кого больше всех? — спросил Гонда.

— У пятого класса.

— А сколько у них?

— Тридцать восемь килограммов.

— А у вас?

— Тридцать четыре.

— Гм! — Гонде это всё равно было непонятно.

— А на сколько это у них больше, чем у вас?

— На четыре кило.

Гонда показал на пальцах:

— Ой, всего на столько? И вы не можете их пере-
гнать?

— Они же старше нас, — защищалась Ганка. —
Им легче...

— Неважно! — Для Гонды это был пустяк. —
Я бы на это не посмотрел!

Они вернулись в класс, и Гонда попросил Ганку прочитать ему, что там ещё написано на таблицах. Он был ненасытен. Ганка показала и прочитала ему, что было на таблице с надписью «Месячный план». Там перечислялось всё, чему они должны были научиться и что им предстояло сделать в сентябре. Сентябрь приближался к концу, на таблицах почти всё было выполнено и подчёркнуто красным карандашом.

Была там и другая таблица. На ней стояло: «Кто с кем будет заниматься?» Там всюду значились по две, по три фамилии, например: «Берка — Благова — Дворжакова».

Ганка объяснила, что это значит. Скажем, как раз Маня Дворжакова больна. Может быть, ей дома скучно и она хотела бы знать, что проходят в школе, чтобы не отстать. Вот о ней и заботятся Тонда Берка и Ружа Благова. Они зайдут к ней, поговорят, посоветуют и будут помогать, когда она вернётся в школу, чтобы она поскорее всё наверстала.

— Что это значит «наверстала»? — спросил Гонда.

— Ну, раз она больна, она же не может учиться вместе с нами и не будет знать то, что мы выучили. Вот Тонда с Ружей и станут ей помогать, и она быстро всё наверстает.

Гонда то и дело кивал головой, ему это нравилось, хоть он и не совсем хорошо во всём разбирался... Но тут снова прозвенел звонок, и все разбежались по своим местам, за парты. И Гонда отправился на «свое» место.

Вот иметь бы право ходить сюда каждый день! И чтоб у тебя на самом деле было тут своё место! Гонда размечтался и нежно поглаживал «свою» выкрашенную в зелёный цвет скамейку. Ещё целый год ожидания! А знаете вы, что такое год? Это ещё вся осень, потом вся зима, и ещё вся весна, и всё лето. Долго, ужасно долго!

Если бы время можно было подтолкнуть, как часовую стрелку! Если бы можно было поскорей оторвать все листки календаря, чтобы время пролетело так же быстро! Но оно тащится, как улитка... Кто это выдержит?

Между тем промелькнул третий и четвёртый час, в последний раз прозвенел звонок, ребята складывали книжки в сумки, одевались и собирались по домам. Гонда тоже был готов.

К нему снова подошла учительница, села рядом, обняла его за плечи и, пока ребята строились, беседовала с ним.

— Ну что, нравится тебе у нас?

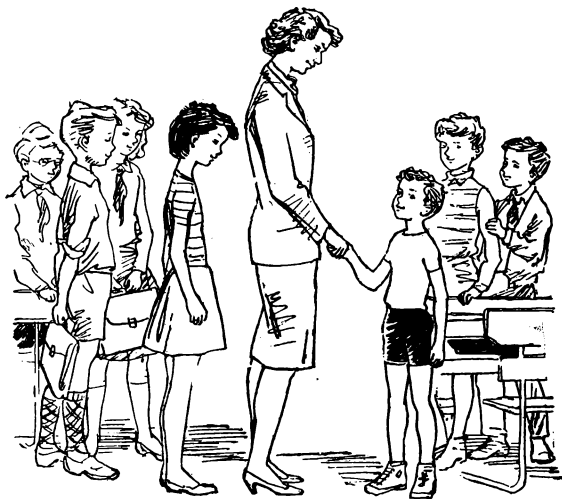
Как она могла об этом спрашивать!

— Твоя сестра Ганка отличная ученица. И ты, я не сомневаюсь, станешь таким учеником, каким нужно...

Так они разговаривали. Собственно, говорила одна учительница. Гонда лишь кивал головой... Наконец учительница сказала:

— Ну, Еничек, до свидания! Благодарим тебя ещё раз за хороший сбор шиповника.

Они пожали друг другу руку, Гонда стал с Ганкой

в пару, после чего все вышли в коридор, спустились вниз по лестнице, вышли через калитку на площадь с прудом и тополями, а там — по холму домой, в Подлеси!

Как незаметно промчалось время!

По дороге домой Гонда всё больше молчал. Зато как подошли к дому, он влетел в дверь и сразу же с порога закричал:

— Ну и здорово было, мама!

И принялся всё рассказывать, даже есть не захотел.

ПОМОЖЕМ ТРЕТЬЕМУ КЛАССУ!

— Ну и здорово было! — говорил Гонда и Олде, когда они с ним в полдень гнали гусей к ручью. — У них там на стенах таблицы, по которым всё узнаешь: кто как учится, как готовит уроки, у кого больше всех шиповника, у кого ничего нет, и вообще всё... А если ты болеешь и отстанешь, это там тоже есть. А если ты нарвёшь шиповник и отдашь его кому-нибудь из третьего класса, и это там будет... Ой! Знаешь что?

Олда только слушал. Откуда он мог знать?

— Знаешь, что мы сделаем? — продолжал Гонда и от волнения вынужден был сесть на траву — разговаривать об этом на ходу было трудно. (Делать нечего, Олда тоже уселся.) — Вот было бы здорово! — шептал Гонда.

Олда сорвал травинку и щекотал ею свою руку. Он понятия не имел, что задумал Гонда.

— Обожди, не щекочи! — Гонда схватил его за плечо. — Знаешь что? У пятого класса всего на четыре кило — понимаешь, вот на столько вот больше — шиповника, чем у третьего, — он показал четыре пальца. — Пойдём нарвём побольше шиповника, отдадим его третьему классу, он победит, и ты тоже будешь гоубатырь!

— Кто я буду?

Что такое гоубатырь, Олда не знал, но, как выяснилось, не знал этого и Гонда; впрочем, это не имело значения. Шиповник рвать они могут, почему же нет? Короче, Олда согласился.

Они пригнали гусей к ручью, гуси вбежали в воду, захлопали крыльями, загоготали. Им было хорошо, и от мальчиков им ничего не требовалось. Гонда с Олдой вброд перешли через ручей на другую сторону,

на косогор. Оба подошли к кустам и начали рвать шиповник.

Вдвоём дело шло веселее, чем у одного Гонды, да и шиповника становилось всё больше и больше... Время от времени они посматривали на гусей, но там всё было в порядке, гуси бултыхались в воде или пощипывали травку, потом уселись, сунули головы под крылья и задремали.

Только плеск волн в ручье время от времени нарушал тишину.

„НАШ ЩЕГОЛ“

Вдруг Олда перестал рвать, пристально всматриваясь куда-то. Он сидел не двигаясь. Потом высунул голову из-за куста, обернулся к Гонде и приложил палец к губам.

Гонда на цыпочках подошёл к нему и уселся рядом.

— Куда это ты так смотришь?

— Тс-с-с! — зашипел Олда. Он осторожно отвёл веточку шиповника.

За кустом на отцветающем лиловом чертополохе сидела птица с красной головкой и жёлтыми пёрышками на крыльях. Она то и дело подпрыгивала, поглядывая то влево, то вправо, и, хотя она несомненно видела обоих мальчиков, она не улетаала.

А мальчики в эти минуты думали об одном и том же: определённо это один из щеглов, которых они выпустили из клетки Коуделков!

— Наш щегол! — прошептал Олда, и Гонда кивнул.

Они не могли на него наглядеться... А щегол снова подпрыгнул, вытянул шейку и несколько раз нежно

пропел. Мальчики были в восторге. Наверное, он прилетел, чтобы посмотреть на них, а может, и поблагодарить.

Гонда больше не выдержал. Он встал и протянул к щеглу руку:

— Иди к нам, маленький, иди, иди!

Но щегол подпрыгнул, замахал крыльями и улетел в сторону леса.

— Вот видишь, — с упрёком сказал Олда, — ты его испугнул!

— И чего он меня боится? — недоумевал Гонда, и ему стало грустно, что щегол улетел.

— Ещё бы, ещё бы не бояться! Зачем ты встал? — Олда расстроился.

Как радостно видеть, что щегол, которого они отпустили на свободу, наслаждается жизнью... Олду из-за щегла побили, Гонда получил чёрный кружок, но всё это пустяки. Как весело этот щегол пел!.. Быть

может, он слетел бы прямо к ним, быть может, уселся бы на плечо, вытянул шейку и тихонько запел: «Спасибо! Спасибо!» А Гонда взял да испугнул его.

— Я тебе... — замахнулся Олда на Гонду, но, увидев, что тот тоже удручён, опустил руку.

Они долго смотрели в ту сторону, куда улётел щегол, но щегол так больше и не появился.

Тогда они снова принялись за свой шиповник.

ШИПОВНИК ДЛЯ МАНИ ДВОРЖАКОВОЙ

Не успело ещё солнышко склониться к западу, как за пазухой у обоих было полно шиповника. Тогда они выгнали гусей на дорогу и направились к дому. Они оба устали, что правда то правда, но, несмотря ни на что, Гонда прибавил шагу, чтобы Ганка или мама поскорее взвесили дома шиповник...

Олда отставал. Гонда остано́вился, оглянулся и подошёл к нему.

— Пойдём, — сказал он и протянул Олде руку.

Олда взял его за руку, и они какое-то время шли рядом. Потом Гонда спросил:

— Ты не болен?

— Нет, — удивился Олда. — Почему?

— Да отстаёшь ты.

— У меня ноги болят.

— Это неважно, держись за меня.

— А почему? — спросил Олда.

— Что ты всё время задаёшь такие глупые вопросы! — пробурчал Гонда. — Чтобы ты не отставал!

И они шли вместе, как два брата, рука об руку.

Когда они переходили шоссе, то повстречали Фанду Кротила. Он нёс в руке полную корзинку шиповника.

— Видали? — весело покачал он корзинкой, блестя глазами, словно кот. — Вот где новые красные квадратики! Что я тебе говорил? — повернулся он к Гонде. — Больше всех их у меня будет!

— А ты видал! — Гонда погладил свою и Олдину раздутые рубашки. — Тут его немало!

— Чего? — спросил Фанда, подняв от любопытства брови.

— Шиповника! — крикнул Гонда, и глаза у него тоже заблестели.

— А кому вы его отдадите?

— Третьему классу, — заявил Гонда.

Фанда даже подскочил на месте:

— Вот здорово! Ну и утрём мы нос пятиклассникам...

Возле дома сидели Ганка с Миленой.

— Видали! — закричал им Фанда, показав свою корзинку и раздутые рубахи Гонды с Олдой. — Вот его сколько! Вот это прибавится квадратики! Бегите за весами!

Ганка помчалась за весами, а Милена за ней следом — за гирями.

Когда весь шиповник взвесили, оказалось, что Гонда с Олдой навалили почти три кило, а у Фанды у одного в корзинке было почти четыре! Он ликовал. Выпятив грудь, он похлопал по ней:

— Четыре кило! Чехословацкий рекорд! Франтишек Кротил побил рекорд Яна Достала... — Потом обнял Гонду с Олдой за шею. — Где им до нас! Мы чемпионы, пусть к нам и не суются!

Откуда ни возьмись, прибежал Лойза Пешоут.

— Ну и шиповника, ну и шиповника! — удивлялся он.

— Нечего тебе больно-то удивляться, — одёрнул его Фанда. — Ты сегодня ходил? Сколько ты навал?

Лойза переступил с ноги на ногу, словно неуклюжий медведь.

— Я сегодня не ходил, я завтра пойду... — пробормотал он.

— Знаю я твои «завтра». А завтра опять скажешь, что завтра.

— Пойдите, — задумалась Ганка. — А кому мы запишем то, что нарвали Гонда с Олдой?

Они стали в тупик. Как быть?

— Знаете что? — предложил Гонда. — Запишите тому, у кого ничего нет...

Ребята удивились. Не сразу даже поняли.

— Мане Дворжаковой?

— Ну да, ну да... — кивал Гонда.

— Она не из нашего звена, — возразил Лойза. — Что нам гнуть спину для других?

— Ты-то уж молчал бы! — снова одёрнул его Фанда Кротил. — Особенно ты гнул спину, а? — Он согласился с Гондой: — Верно, запишем Мане. Мы можем собирать сами, а Маня нет. Вот она обрадуется, когда придёт в школу, а шиповник этот всё равно будет числиться за нашим классом! А ты берись-ка за ум, — снова напустился он на Лойзу. — У тебя меньше всех нас...

— Да ладно уж, — ворчал Лойза. — Мне-то всё равно, я просто...

— Будет вам препираться, — положила Ганка конец их спору. — Запишем за Маней, и всё тут. Сколько же это теперь у нашего класса?

Фанда быстро считал вслух:

— У нас было тридцать четыре, Гонда с Олдой — три, это тридцать семь, я четыре — это сорок один... Сорок один килограмм! На три килограмма больше, чем у пятых! — Он снова подтолкнул Лойзу: — Вот это мастера! Ты только взгляни на них! Даже Олда

тебя побил... Ты молодчина! — похлопал он его по спине.

Тут уж и Олда почувствовал, какое это чудесное слово «молодчина»!

ЧТО ТАКОЕ ГОУБАТЫРЬ?

Ещё раз в этот день — уже в третий — Гонда рассказывал обо всём, что пережил в школе, — это когда папа вернулся с работы. Он пришёл сегодня позже, у них было собрание на заводе, и вечером снова соби-рался уходить — договориться о чём-то в националь-ном комитете.

— Хорошо, значит, было, — сказал папа. — Глав-ное, ты заслужил это, своими руками завоевал эту честь.

— А сегодня мы с Олдой снова собирали шипов-ник, и теперь третий класс перегонит пятый, — сооб-щил довольный Гонда.

— Отлично, сынок! — похвалил его папа. — Вот таким ты мне нравишься! Бороться дальше, не до-вольствоваться одной победой — в этом-то всё и де-ло!.. Покажи! — Он взял Гонду за руки. — Но уж и руки у тебя... А коленки — любо-дорого посмотреть!

— Пустяки, — смеялся Гонда. — Не бойся, всё отмоется... Сегодня уж не забуду! — Но на всякий случай, должно быть, для пущей уверенности, сразу пошёл за тазом, мылом и полотенцем, положил всё на скамейку возле плиты, попросил Ганку налить во-ды и тут же умылся.

Умывшись, он потёр руки и ноги щёткой, так что они даже покраснели, словно шиповник, поел, разделся и, сложив всё на своё место, отправился спать. Пошла спать и Ганка.

Гонда посмотрел на календарь. Там ещё ничего не было, но наверняка там появится новый белый кружочек!

— Сколько ещё дней до конца сентября? — спросил он Ганку.

— Девять.

— Ой, как мало! Теперь уж я сам могу сосчитать: один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять...

«И мне больше нельзя, никак нельзя получить хоть один чёрный кружок!» — раздумывал он, лёжа под одеялом.

Мама погасила у них в комнате свет и что-то шила на кухне, но Гонде никак не спалось. Столько им сегодня пережито! Какая-то мысль гвоздём сидела в его голове...

— Ганка! — окликнул он потихоньку. — Ганка, слышишь?

— Что? — отозвалась Ганка.

— Что такое гоубатырь?

— Что, что?

— Гоу-ба-тырь, — по слогам произнёс Гонда.

— Гоубатырь? — не понимала Ганка.

— Ну, помнишь, когда ваша учительница пришла утром в класс, она подала мне руку и сказала: «Так ты и есть Гонда? Приветствую тебя, гоубатырь!»

Ганка задохнулась от смеха. Она так смеялась, что пришла мама.

— Что тут происходит? — спросила она и зажгла свет.

— Мама, ты знаешь, что такое гоубатырь? — спросила её Ганка, хохоча во всё горло.

Мама не поняла.

— Эх ты, гоубатырь! — сказала Ганка Гонде. — Учительница сказала не гоубатырь, а богатырь!

— Ну да, ну да, — кивал Гонда. — А что это значит? Мама, что такое богатырь?

— Это сильный и мужественный человек, который может творить чудеса. Такие богатыри бывают в сказках.

Гонда придвинулся к самому краю кровати и прижался к маме.

— В сказках? Мама, расскажи мне какую-нибудь сказку о богатыре!

Мама колебалась. Уже довольно поздно. Рассказать? Или отложить до завтра? Но Гонда смотрел на неё с такой мольбой, что она повернулась к Ганке и спросила:

— А какую?

— Мама, ту, о Пере! Знаешь, из той книжки, которую я брала почитать.

— О каком Пере? — удивился Гонда.

— Обожди, узнаешь! Вот это был богатырь так богатырь! Шишка ему в глаза попадёт — он и не заметит!

— Что, что? Шишка? Какая-такая шишка? Мама, расскажи! — клянчил Гонда.

— О Пере? Ну ладно... Постараюсь вспомнить.

Ганка выскочила из своей кровати, нырнула под одеяло к Гонде, они прижались друг к другу, и мама рассказала им сказку о Пере.

БОГАТЫРЬ ПЕРЯ

Это было давным-давно... В глухом тёмном бору жил да был богатырь, и звали его Перя.

Ростом он был выше самого высокого дерева в лесу, а силу имел такую, что и не расскажешь. Одной рукой ловил он на бегу медведей, хватал на лету

птиц. Если он пускал стрелу из лука, летела эта стрела за тридевять гор и рек.

Как-то раз во время охоты попала ему в глаз шишка. Он и внимания не обратил. Только к вечеру потёр глаз рукой — шишка и выпала.

— Вишь ты! — говорит он. — То-то у меня весь день глаз зудел!

Такой уж это был большой да сильный, умный да ловкий богатырь.

Захочет он спать — обломает ветки со ста деревьев да и уляжется на них, разведёт костёр из сотни стволов да и греется возле него. А спал он под открытым небом, на чистом лесном воздухе.

И вот однажды ту страну, где жил Перя, постигло несчастье: вторглись в неё несметные полчища врагов, грабили и опустошали всё кругом. Худо пришлось жителям. Они мужественно боролись, но вражеское войско было так велико, что одолеть его они не могли.

Вспомнили тут о Пере и поспешили за ним в глухой бор. Четырнадцать дней шли они, пока дошли до него.

— Живёшь ты тут, — сказали ему, — и не ведает, какая беда обрушилась на нашу родную землю. Одолевает нас враг, хочет отнять нашу землю, а нас загнать в леса, а тебе и горюшка мало!

— Что-о? — рассердился Перя. — Кто это осмелился? Кто хочет отнять у нас нашу землю, разгуливать по нашим лесам да дышать нашим воздухом? Что ж вы мне раньше этого не сказали? Обождите, —

говорит, — вот я только перекушу малость, тогда и посмотрим, что это там за смельчаки!

Четырнадцать дней добирались из города люди до Пери, а Перя добрался до города всего за два часа. Он мчался как ветер, чтобы как можно быстрее освободить родную землю.

Примчался он к городу и видит несметные полчища, врагов всюду видимо-невидимо. Заметили они Перю и начали в него стрелять, а он лишь посмеивается:

— Что такое? Комары меня кусают, что ли?

Ворвался он во вражеский стан да как начал крошить врагов столетней пихтой, будто метлой, только щепки от повозок летели... Прискакал тут на коне сам предводитель вражеского войска, ударил Перю в бок дубиной и разорвал на нём одежду.

— Ах ты, назойливая муха! — рассердился Перя. — Ты ещё будешь рвать на мне одежду, сшитую не твоими руками?

Схватил он его вместе с конём и забросил далеко-далеко. За три горы летел предводитель, а о четвёртую разбился.

Так Перя разбил вражеское войско и воротился снова в глухой бор. Снова ловил он медведей на бегу и хватал птиц на лету, спал под открытым небом и грелся у тёплого огонька.

Жил он себе да поживал припеваючи, коли не умер, так и до сих пор живёт...

Мама умолкла. Гонда дослушал до конца и лишь вздохнул, когда она кончила рассказывать. Так вот какие они, богатыри! Братцы! Широко раскрытыми глазами смотрел он на маму, но всё было как в тумане — маму он не видел: образ Пери не покидал его.

Мама с любовью посмотрела на Гонду, взъерошила ему волосы, ласково погладила по лицу, пощекотала розовую пятку. Тогда лишь голубоватый туман перед глазами Гонды рассеялся. Он заморгал и снова увидел маму.

— Понравилась тебе сказка? — спросила она.

Гонда не ответил. Он колотил правой рукой по одеялу, поднимал её кверху и двумя пальцами левой руки несколько раз «стрелял» в левую руку, в лицо, в плечо. Потом он помотал головой.

— Что такое? — спросил он. — Комары меня кусают, что ли!

И снова перед ним как бы в тумане возник Перя, в которого враги стреляют, а он лишь смеётся. Потом туман опять рассеялся, и вместо Пери возникло мамино лицо. Он обнял её обеими руками за шею:

— Расскажи что-нибудь ещё!

— Уже поздно, — сказала мама и поцеловала его. — Вам пора спать. А то утром вставать не захочется.

Ганка перебежала обратно в свою кровать, мама взбила Гонде одеяло, они пожелали друг другу спокойной ночи, мама погасила свет и ушла в кухню, но Гонда долго ещё не мог уснуть. Так вот кто такой богатырь! А учительница назвала так его, Гонду!

„ЧЁРТ НАМ КОПАЕТ КАРТОШКУ“

Промелькнули ещё четыре дня, спокойные, тихие... На кооперативных полях убирали картофель.

— У Ганки нынче занятия до одиннадцати; приготовим-ка обед пораньше, а потом я снова пойду в поле, — сказала на пятый день мама. — Убирают последнее картофельное поле, надо бы помочь.

— Мама, я пойду с тобой, — стал проситься Гонда.

— А почему бы и нет? Пойдём, и Ганка пойдёт. Каждая пара рук дорога.

Около полудня они вышли из дому. К ним присоединился и Олда. На площади они нагнали деда Хохolina.

— Далеко ли собрались? — спросил он их, поздравившись.

— На поле, — ответила за всех мама.

— И Гонда с Олдой тут же? Сколько же нынче помощников соберётся! Чёрт, пожалуй, и копать не успеет!

— Какой чёрт? — недоверчиво спросил Гонда.

— Неужто вы не слыхали, что копать картофель запрягли самого чёрта? Бог ты мой, выходит, вы его ещё не видели?

Гонда с Олдой кивали головами, улыбались... «Да, да!» — не верили они.

— Думаете, я вру? Так пойдёмте, увидите. Хорошо ещё, что вы пришли сегодня, завтра его снова запрём на всю зиму в сарай... На всю зиму? На целый год. Пока в будущем году его снова не выпустим. Он привык подолгу спать, зато потом и впрямь работает как дьявол, выполняет работу за двадцатерых.

Шли они, шли и вскоре дошли до картофельного поля.

— А где ваш чёрт? — спросили Гонда с Олдой.

Дед Хохolin вытянул руку и палкой указал на поле.

— Видите?

Действительно, вдалеке что-то тихо гудело и во все стороны и вверх летела земля. У «чёрта» было два колеса, его тащили лошади, а между колёсами что-то вращалось, словно кто-то яростно вгры-

зался в землю, разбрасывая её при этом во все стороны.

— Вот он! — показал дед Хохолин и сел на межу у дороги.

Гонда с Олдой тоже сели, прижались к столу и, посерьёзнев, внимательно наблюдали, как это приближалось к ним... Мама тем временем ушла вперёд.

— Да ведь это не чёрт! — просиял вдруг Гонда, когда это приблизилось.

Но Олда на всякий случай встал — а вдруг придётся спастись бегством. Вскоре и он просиял от радости:

— Никакой это не чёрт!

— Не чёрт? — смеялся дед Хохолин. — Ну, нет так нет, а роет-то как чёрт, а? И работу в самом деле выполняет за двадцатерых, если не больше. Посмотрите-ка!

«Чёрт» — это было имя машины — перекапывал грядки картофеля так, как человеку было бы не под силу. Он раскидывал землю в стороны, а вместе с землёй и картошку. После этого иди лишь да собирай её в корзинку.

— Вот в прежние времена люди, бывало, намаются! — рассказывал дед. — Плуг, правда, грядки распахивал, но после этого приходилось ещё цапкой или просто руками разгребать вывороченную плугом землю и выбирать из неё картошку за картошкой. Сколько мне пришлось в прежние годы выбрать вот этак картошки! А если дождь шёл? Нет уж, хватит с меня этого каторжного труда! А нынче и детям такая работа под силу. Славную машину изобрели да прислали нам заводские. Вместо волов — тракторы, вместо козы — сноповязалка. А комбайн — какая это машина! Все машины перещеголяла! И косит и моло-

тит одновременно. Вот и для свёклы что-то придумывают. Гм! А пройдет ещё несколько лет, и человек станет только похаживать по полям да отдавать приказы разным машинам. Вот уж вы заживёте, как вырастете! Тогда уж, поди, колосья вместо зёрен будут наливаться прямо пирогами да сдобами. Сорвёшь колосок — вот вам и завтрак на троих...

Все трое громко рассмеялись — это было бы недурно!

Лошади с «чёртом» проезжали как раз мимо них. Коней вёл отец Лойзы Пешоута.

— Ну что, Пепик, — закричал ему дед, — управимся нынче?

— Если не будете рассиживаться тут на меже, а поможете, тогда непременно! — крикнул ему в ответ пап Пешоут и тихонько засмеялся. — Вас тут трое — стало быть, за дело!

— Смотрите-ка, — почесал за ухом дед, — вот это отбрил! Ну как, примемся за работу? Что сможем, сделаем. А когда я крикну по-совиному, вот так, — и,

поднеся ко рту ладони, он и в самом деле крикнул, как сова, — бегите ко мне, разведём костёрчик. Да что я говорю — костёрчик? Костёр, который будет полахать до самых туч! Идёт?

Они разошлись.

Гонда с Олдой побежали вслед за мамой и принялись собирать с ней в корзину картошку. Собирали до боли в пояснице. Время от времени они отдыхали и снова продолжали работать, но, по мере того как время шло, они всё нетерпеливее поглядывали в ту сторону, где находился дед Хохолин...

Скорее бы уж он закричал им!

„ЧТО ВЫ ЗНАЕТЕ, МОИ ЗОЛОТЫЕ?“

Наконец они дождались.

Когда от всего поля осталась лишь пара грядок — последние грядки картофеля в нынешнем году, — дед закричал, и Гонда с Олдой тотчас же побежали к нему.

— Помогли? — спросил дед. — Помогли... А теперь костёр! Напечём для всех вдоволь картошки. За дело! Тащите ботву, только чтоб побольше кучка получилась!

Кучка росла. Носил Олда, носил Гонда, а увидев, что затевается, прибежали и остальные ребята, маленькие и большие. Дед Хохолин скомкал кусок бумаги и поджёг кучку. Не прошло и нескольких минут, как над полем поднялся в небо густой желтоватый дым и высоко взвилось пламя.

— Вот корзина, — сказал тогда дед. — Бегите теперь к пану Пешоуту и попросите, чтобы он дал нам картошки, мы, мол, хотим угостить всех, кто её употребляет!

— А почему же нет? — согласился пан Пешоут. — Вы хорошо поработали. Берите картошки сколько влезет. А одну, как следует пропечённую, пусть дед и на мою долю оставит...

— Хорошо нам живётся! — сказал довольно дед, когда они потом уселись вокруг костра и выгребали дочерна обожжённую и дожелта пропечённую, ещё дымящуюся картошку. На неё приходилось дуть, перебрасывать с ладони на ладонь, чтобы не обжечься.

— Что вы знаете, мои золотые? — начал он потом свой рассказ. — Половина полей вокруг Подлеси, — показал он палкой вокруг, — принадлежала прежде пану, которого мы видели здесь раза два в год. Крумл была его фамилия. Только управляющий его жил здесь, чтобы гонять нас на работу, а сам он разъезжал бог знает где по белу свету. Сызмальства я на этих полях гнул спину... Жил я на панском дворе, в клетушке чуть больше поросячьего хлева. И никто сроду не поинтересовался, как я живу. Что вы знаете? Люди работали до седьмого пота, пока не поми-
рали. Старый Дурдик умер прямо в поле — надорвался бедняга.

Пошёл я раз к пану, когда он приехал. «Целую руку» — так мы обязаны были ему говорить: «Целую руку, барин!»

«Целую руку, барин! — сказал я ему. — Я к вам с просьбой».

Похлопал он меня по плечу. Он сроду не кричал, всегда принимал приветливый вид.

«Что вы хотите? — спросил он. — Выкладывайте! Посмотрим, что можно сделать».

«Понимаете ли, у меня маленький сынок, барин, народился, пока вас тут не было, и я хотел бы, чтоб он вырос у меня здоровым. Живу я — вы сами знаете,

как я живу. В нашей норе одно крошечное окошечко, да и то ладонями закроешь. Темно там и сыро, вода со стен течёт. Боюсь, не вырастет там сыночек здоровым. Мы уж с женой что! Мы как-нибудь выдержим, за него вот боюсь... Вот я и подумал: ежели бы вы дозволили, мы бы перебрались в сарайчик, где поросята. Я бы его вычистил, оштукатурил да побелил, а поросята могли бы пожить там, где сейчас мы. У поросят всё-таки посветлее да и попросторней».

«Как это вам взбрело в голову! — вскочил барин. — Нет, ничего не выйдет. Не сердитесь, пан Хохолин, только поросята — это мой капитал. Ваш чулан им не годится, нет, выкиньте это из головы!»

И кончен разговор. Видали? Для поросят наш чулан не годился, они ещё, того и гляди, в нём захиреют. А для Хохолина, его жены и сына сойдёт. Если и захиреют, что из того? Помрут — другой работник найдётся. А кто возместит барину убыток, коли поросята падут, а?

Так мы и жили... А нынче? Где теперь наш барин? Бог его знает, где он скитается. Не вернулся, как узнал, кому нынче принадлежат все поля. А у нас никто по нём и не сучает!

Солнце спускалось к горизонту, от костра высоким столбом валил желтоватый дым. Над Аистовым холмом тоже поднимался дым. Должно быть, и там кто-то жёг сухую ботву и пёк картошку.

Дальние леса, озарённые вечерним солнцем, казались синими, почти лиловыми. Над соседним полем с шумом поднялась стая куропаток. Трактор увозил с поля последний воз картофеля.

Пришли к костру и взрослые. Дед Хохолин палкой wygrебал из горячей золы всё новые и новые картофелины и раздавал их всем желающим.

— Правильные порядки завела наша власть. А может, споем в честь неё? Какую бы только песню? Я люблю вот эту: «Как это прекрасно — два кузнеца в городе, два кузнеца на рынке...»

Он запел тихим, дребезжащим голосом, и дети присоединились к нему. Гонда притопывал в такт ногами.

— Нынче тут вся деревня! — огляделся дед вокруг. — Вот оно работа и спорится!

— Не все, — сказала пани Заицова; она тоже пришла посидеть у костра. — Таких, как пан Коуделка или Петрак, вы тут днём с огнём не сыщете...

— А, пан Коуделка! — кивнул дед. — Этот отродясь не любил работать. Покуда ещё мог в своей лавке обдирать народ, жил себе припеваючи. А коль скоро там теперь кооператив, вот он и злится на весь мир... А что касается пана Петрака... Что ему тут может нравиться? У него прежде тоже были большие поля, сам он только командовал, люди за него работали, вот ему и было хорошо! Всем говорил «ты», денег у него куры не клевали, жил себе, не тужил. А как пришлось работать наравне с нами, так он и забросил поле, вот его и отдали в кооператив. А он что на это? Разоухался, разоухался, горько, дескать, ему жить, мир испортился, никуда не годится. Мне уж теперь не говорит: «Йозеф», как бывало, а «пан Хохоллин», коли вообще ко мне обращается. Не любит он со мной разговаривать: знает, что я за словом в карман не полезу, а подобные охоньки да аханьки для меня всё одно, что соринка в глазу или колючка в пятке. Но мы и без них обойдёмся. Солнышко из-за этого светить не перестанет, да и рубашку по этому поводу надевать наизнанку я не собираюсь. Или, может, стоит? — И дед поднялся, как бы готовясь сделать то, о чём говорил, если кто пожелает...

— Да бросьте вы! — рассмеялась пани Заицова. — Лучше дайте-ка нам поскорее ещё картошки! И пора вроде бы по домам, а?

Последние картофелины были доедены, и все с песнями вернулись в Подлеси...

Вместе с сумерками похолодало, в долине над ручьём появился лёгкий туман, поднимаясь всё выше и выше...

Снизу от ручья донеслось тихое кваканье лягушек. А кузнечики словно заиграли на тысяче скрипок.

ОЛДА ТОЖЕ ХОЧЕТ СОРЕВНОВАТЬСЯ

Когда они вернулись домой, папа уже сидел за столом и читал газеты.

— Приветствую вас, трубочисты! В какую это трубу вы лазали, что такие чёрные, а дымом от вас несёт за сто километров?

— Да, трубочисты! — подскочил к нему Гонда. — Мы картошку убирали! Ты бы посмотрел! А знаешь, нам картошку чёрт копал! Не веришь? Клянусь, честное слово!

— И это чёрт вас так вымазал?

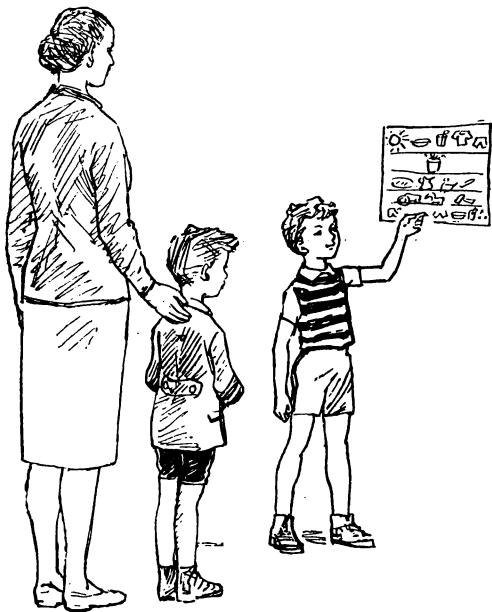
— Что ты, это от костра!.. Хочешь картошку? Я тебе принёс одну. — Гонда и правда вытащил из кармана картошку. — На! — протянул он её папе. — Вот это было здорово!

— Гм! — сказал папа. — Чёрт, стало быть, копал, а вы пекли. А кто же собирал?

— Думаешь, не мы? Мама, Ганка, правда ведь мы тоже собирали?

— И вправду помогали? — повернулся папа к маме.

Мама утвердительно кивнула.
В это время раздался стук в дверь.
— Войдите!
Вошла пани Занцова, а с ней Олда.
— Добрый вечер! — поздоровался с ней папа. —
Что новенького?.. Присаживайтесь! — и подал стул.
— Меня сын прямо измучил: рисуй, дескать, и

ему какие-то кружочки, чёрные или белые, откуда я знаю? У вас, мол, с Гондой какой-то договор или что-то в этом роде, вот и он хочет, чтоб у него тоже такой был... Что у вас с ним за дела?

Все расселись, и папа предоставил слово Гонде, пусть, мол, он сам всё расскажет. Гонда взял Олду за руку, и они показали пани Заицовой листок, висящий на стене. А Гонда объяснял и объяснял... Что забывал он, добавлял папа, и дело закончилось так, как и должно быть: пани Заицовой это понравилось, и она спросила, не будет ли пан Достал так добр нарисовать такой же листок для Олды...

— Охотно, — пообещал папа.

На том и порешили.

С первого октября, стало быть, уже два юных богатыря будут соревноваться, кто из них лучше...

ПОСЛЕДНИЙ СЕНТЯБРЬСКИЙ ДЕНЬ

Последний сентябрьский день... Тихий, солнечный.

Время от времени воздух всколыхнётся и пахнёт теплом. Расшумится трава, будто негромко и протяжно вздохнёт земля, сонно потягиваясь, перед тем как заснуть.

В кооперативном саду и в аллеях вдоль шоссе снимали последние плоды. Над опустевшим картофельным полем кружилась стая скворцов, готовясь в далёкий путь.

В воздухе плыли тоненькие паутинки, серебряные нити бабьего лета. Они зацеплялись за кусты, за деревья, за стебельки трав. Если нагнёшься и посмотришь на луг или поле с оставшейся стернёй, всё опутано ими, словно серебряной сетью.

После обеда Гонда с Олдой и с Лапкой побродили немного по лугам. Теперь они сидели в садике под яблоней. Лапка спала, положив голову на передние лапы, мальчики негромко разговаривали. Гонда не мог дожидаться вечера. Сегодня завершится его большая битва... А завтра уж они начнут соревноваться вместе с Олдой.

— Десять, — показывал Гонда Олде пальцы на обеих руках, — ещё раз десять, пять и ещё один, — показывал он один палец. — Вот у меня сколько будет белых кружочков!

Потом он повёл Олду к себе домой, чтобы показать все кружочки на календаре, — никак не мог на них наглядеться.

Когда Олда ушёл, Гонда подставил стул к окну, встал на колени и смотрел на улицу, на луга, на леса, на паутинку, застрявшую в ветвях яблони, на верхушки тополей у липницкого пруда за холмом...

Близ тех тополей стоит школа. Интересно, что там сейчас делается? Надо будет спросить у Ганки, когда она вернётся. Что они сегодня проходили? О чём им рассказывала учительница?

Как он тосковал по этой школе месяц назад! Впустую проделал в тот раз вместе с Лапкой весь путь туда и обратно... И всё-таки он понал в школу! Теперь уж он и с учительницей знаком...

Вот видите, видите! Что я вам говорил!

Двадцать шесть белых кружочков у него будет. Правда, среди них попались и три чёрных, словно три кляксы в тетради, словно три пятна на белоснежной скатерти... Проигрывал он? Проигрывал. И всё-таки в конце концов победил! Как это сказала учительница? «Уверена, что из тебя выйдет настоящий школьник!»

По дворику расхаживал голубь. Искал зёрнышки. При каждом шаге голова у него покачивалась, будто он повторял: «Ну да, ну да, ну да!»

Он остановился прямо против окна, глядя на Гонду и наклоняя голову то вправо, то влево, вроде и вправду он видел Гонду, но не узнавал его. «Ты это или не ты? Какое там! Тот паренёк, что месяц назад даже не умел самостоятельно одеться, как следует умыться и всё за собой прибрать, был совсем другой мальчик. А теперь ты молодчина!»

И снова побрёл по двору, а головка его покачивалась: «Ну да, ну да, ну да!»

Под окно прибежала Лапка. Оперлась передними лапками о стену, махала хвостом, скулила. Гонда наклонился, чтобы погладить её. Он был готов сегодня обнять весь мир, так ему было хорошо. Лапка подняла правую лапу, словно желая сказать:

«Можно и мне, Лапке, поздравить тебя?»

Короче, это был прекрасный сентябрьский день...

А вечер?

Когда папа торжественно нарисовал ему двадцать шестой белый кружочек, Гонда со всеми расцеловался — с папой, с мамой и с Ганкой.

— Ты хорошо держался, хорошо бился... Настоящий лев! Молодчина! — Папа отдал ему честь.

Все трое, один за другим — папа, мама и Ганка, — подали ему руку, как равные равному.

На этом и заканчивается рассказ о месяце жизни одного юного гражданина нашей страны. Не правда ли, конец этот такой, каким ему и положено быть?

Тысячи таких мальчиков и девочек, подобных Гонде — мальчиков и девочек, подобных весенним розочкам на кустах шиповника, — ведут такую борьбу.

Тысячи таких мальчиков и девочек расцветают в нашей стране.

Большая и бесстрашная борьба ведётся в наше время.

А что проку от тех, кто весь свой век проспит где-нибудь за печкой?

ОГЛАВЛЕНИЕ

В одном из домиков на краю Подлеси . . .	3
Хлеб свозят	4
У молотилки	7
Гонда и Олда	10
Обмолотили!	13
Льёт дождь	14
Гонда умывается под яблоней	17
Ни с того ни с сего мученье	21
Ссора с Лойзой	23
Разговор с отцом	26
Бесплодный поход туда и обратно	31
Первое сентября	35
Дорога в школу	36
Разговор с мамой	39
Молодчины!	44
Ни с того ни с сего грусть, за ней следом — радость	46
Начало большого боя	49
Всё идёт как по маслу	55
Мальки и пчела	57
Олда помогает Гонде	60
Дождь идёт...	62
Считаем	63
Пишем	67
Имена глупцов на всех заборах	70

Щеглы Коуделков	73
Первый чёрный кружок	78
Это не беда!	81
Второй чёрный кружок	83
А затем семь белых, словно цветы поповника	88
Медленно движется время	90
Звено отправляется за шиповником	91
Победитель шиповника	93
Известие из школы	98
Третий чёрный кружочек	100
Ворота школы открываются...	101
В классе перед звонком	104
В классе после звонка	108
На большой перемене	111
Поможем третьему классу!	115
«Наш щегол!»	116
Шиповник для Мани Дворжаковой	118
Что такое гоубатырь?	121
Богатырь Перя	123
«Чёрт нам копает картошку»	127
«Что вы знаете, мои золотые?»	131
Олда тоже хочет соревноваться	135
Последний сентябрьский день	137

К ЧИТАТЕЛЯМ

*Отзывы об этой книге просим
направлять по адресу: Москва, А-47,
ул. Горького, 43. Дом детской
книги.*

Для младшего школьного возраста

Карел Чёрный

МОЛОДЧИНА ГОНДА

Ответственный редактор *Л. Е. Касюга*
Художественный редактор *Н. З. Левинская*

Технические редакторы
В. И. Мешалкин и Т. В. Перцева.

Корректор
Л. И. Гусева и К. П. Тягельская.

Сдано в набор 19/IX 1961 г. Подписано к
печати 16/XI 1961 г. Формат 60 × 84^{1/16} — 9
печ. л. — 8,37 усл. печ. л. (6,2 уч.-изд. л.).

Тираж 65 000 экз. Цена 32 коп.

Детгиз. Москва, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика детской книги Детгиза.
Москва, Суцеский вал, 49. Заказ № 1468.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

В 1961 году для школьников младшего возраста выходят в свет следующие книги современных иностранных писателей:

По дорогам сказки.

Избранные сказки разных народов, в пересказе для детей
Т. Габбе и А. Любарской

Бондопадхая Б. — Манговая дудочка.

Повесть крупного современного индийского писателя о жизни ребят в бенгальской деревне. *Перевод с бенгали*

Кириак В. — Пять капитанов и «Ракета».

Повесть современного румынского писателя о пятерых друзьях-школьниках — любителях футбола. *Перевод с румынского*

Максимович Д. — Навстречу весне.

Сборник весёлых и лирических стихов известной югославской поэтессы. *Поэтический перевод с сербского Д. Самойлова*

Селишкар Т. — Экипаж «Синей чайки».

Повесть известного словенского писателя о ребятах — юных моряках. *Перевод со словенского*

Трехо Б.-Л. — Маримба.

Мексиканская писательница интересно рассказывает о происхождении народного музыкального инструмента индейцев — маримбы. Книга богато иллюстрирована. Рисунки цветные. *Перевод с испанского.*

Эти книги по мере выхода их в свет можно приобрести в магазинах Книготорга и потребительской кооперации.

Книги высылаются также по почте наложенным платежом отделом «Книга — почтой» областных, краевых и республиканских книжоторгов. Можно также заказать книги и через отдел «Книга — почтой»: Москва, Б-120, ул. Чкалова, 48-б, магазин Москниготорга № 94.

